

СТАРООБРЯДЦЫ

Н. С. Смолянкин

Историко-
краеведческий
очерк

Н. С. Смолянкин

СТАРООБРЯДЦЫ

Историко-краеведческий очерк

Климово, 2006 г.

ББК 63.3 (Бр 9 + Бр 0)
УДК 9
С 51

300-летию образования Климово посвящается.

С 51 Смолянкин Н. С. Старообрядцы. Историко-краеведческий очерк.
— Климово. ООО “Издательство “Наяда”, 2006 — 96 с.: ил.

ISBN 5-900685-05-5

ББК 63.3 (Бр 9 + Бр 0)

ISBN 5-900685-05-5

© Смолянкин Н. С., 2006 г.
© Издательство “Наяда”, 2006 г.

Вступительное слово

В июле 2008 года исполняется 300 лет нашему Климово. Всякая юбилейная дата это не только праздник, а прежде всего историческая веха, с высоты которой можно и нужно оглянуться назад, увидеть корни свои.

Да, конечно, всех нас прежде всего волнует день сегодняшний, ибо в этом дне находимся мы сами — любимые и неповторимые. История же кажется, зачастую, чем-то призрачным, нереальным. Хотя, как тонко заметил большой знаток российской и мировой истории Лев Николаевич Гумилев, призрачна как раз современность, а история незыблема, ибо как не можем мы вернуться в прошедшее утро и что-то изменить в нем, так не можем ничего изменить и в истории.

Но ведь то, что для нас сегодня история для каждого жившего до нас поколения было современностью. Ведь также как мы вспоминаем сейчас о том, как жили наши родители, как думаем о том, как будут жить наши дети и внуки, также думали об этом и они. И когда мы это осознаем, когда поймем, что мы тоже только вешка в череде поколений, тогда только начнем правильно понимать и верно оценивать день сегодняшний, т. е. эту самую “призрачную” современность, которая с каждым часом становится историей — незыблемой и неповторимой.

Ничто из ничего не возникает. Причины наших радостей и наших бед кем-то когда-то были заложены, также как мы сегодня закладываем их будущим поколениям на многие годы вперед. Связь поколений неразрывна и хоть на протяжении последних 100 лет мы неоднократно пытались разорвать ее, устанавливая искусственные вехи (до 17-го года и после, при Советах и после), но ничего из этого не вышло, да и не могло выйти, хотя души людские поломало и изгадило изрядно.

Поэтому так важно сейчас очиститься от всего наносного, восстановить связь времен. Это позволит нам понять наших предков, увидеть содеянное ими, более трезво оценивать день сегодняшний, меньше проблем и бед оставить потомкам. И самое главное — это внесет в наши души гордость за былое и лишней раз заставит задуматься о том, что же мы сами оставим после себя, прорастем в древе истории живой и мощной ветвью или свалимся с него к подножью иссохшей травой-повиликой.

История нашего города начинается в далеком и, как ни странно, очень близком нам XVII веке. Это был удивительный век. С. В. Пере-

верзенцев — русский историк и философ, писатель, публицист так характеризует это время:

— XVI-XVII века — это самый высший пик во всей отечественной истории. Да не сомненно что XIX и XX столетия стали временем расцвета отечественной науки и культуры. Однако такого духовного напряжения, такой высоты духовного понимания смысла жизни, каковы были достигнуты нашими предками в XVI-XVII веках, более уже не было. Наоборот, чем далее, тем более наш дух слабел, расточался и истончался, пока почти что, как казалось, не иссяк к началу XX века.

Но, слава Богу, оставались хранители истинной и искренней русской духовности, которые пронесли ее через десятилетия гонений и преследований и смогли передать ее нам, потомкам, зачастую и недостойным такого великого подарка.

Духовный огонь русских сердец, возгоревший в полную силу именно в эти века, продолжает нам светить из прошлого. Пусть для кого-то он не видим, пусть кому-то он только мерцает. Однако есть и те, кто видит настоящее пламя, чувствует истанный, опаляющий жар этого огня и принимает этот жар в свое собственное сердце, запалывает от него собственную душу, и, слава Богу, таких жарких сердец становится ныне все больше и больше.

И есть надежда, что они смогут постигнуть те великие духовные, промыслительные открытия, которые свершили наши предки.

С этой точки зрения и с этой надеждой в преддверии 300-летнего юбилея Климово писался этот историко-краеведческий очерк. Автор отдает себе отчет в том, что он очень неполон, может быть излишне эмоционален, но все же надеется, что читателя своего он найдет и кому-то поможет понять кто мы и откуда вышли, а кого-то быть может подвигнет на поиск вечных духовных ценностей. Ведь жизнь продолжается и блажен тот, кто ищет, кто не хочет вечно бродить в потемках.

Старообрядцы

Раскольники. Даже для современного уха, привыкшего ко всему и всея, слово это режет слух. Раскольники, раскол... Кто они, эти таинственные люди, что это за явление в российской истории, каким образом увязалось оно с историей нашего города? Думаю, что даже современные приверженцы старой веры далеко не все смогут внятно рассказать об истоках своего движения, тем более трудно это сделать отошедшим от веры и даже представителям господствующей ветви православия, если, конечно, они всерьез не занимались вопросами религии или российской историей.

Впрочем, господствующая ветвь православия, в лице её иерархов конечно, старообрядцев никогда не жаловала, и, не сумев в своё время управиться с ними огнём и мечом, в дальнейшем постаралась предать забвению, в чем ей всегда помогали властьпредержащие, а в ушедшем столетии особенно. Правда, в ушедшем столетии властьпредержащие всякую религию старались предать забвению, как, впрочем, и самую историю российскую. Забвение, безверие горько аукнулось как самим управителям, так и управляемым, сиречь народу русскому. Но времена меняются, и на заре нового века мы снова пытаемся взглянуть на свои корни, понять, откуда мы и кто такие, и что нас ждет впереди.

Вопросы не новые. Не раз на протяжении веков смущали они русскую душу. Но в этом и отличие её от души неправославной, иноземной, западной. В этом слабость её и нравственная сила одновременно, ибо там, на Западе, жизнь принимают такой, как она есть, не мудрствуя лукаво и не коря себя за то, что сделано не так или вовсе не сделано, хотя мечталось и желалось. К тому же обустривать свою жизнь там умеют не в пример нам. В этом всегдашняя привлекательность Запада для россиян и одновременно неприемлемость его.

Это небольшое отступление от темы, хотя нет, скорее, предисловие к теме, ибо, чтобы ответить на вопрос, что такое раскол, нужно уяснить, каким было российское общество 350 лет назад и почему вдруг оно раскололось.

Итак, что же представлял собой в российской истории удивительный XVII век? Как это ни странно, но между тем временем и временем нынешним множество сходных моментов. Это был век выбора, выбора

дальнейшего пути России. Пала династия Рюриковичей, началась отчаянная борьба за власть в боярской верхушке. Одна смута сменяла другую. Лилась кровь, нищел, разорился народ. Как воронье на падаль, со всех сторон слетались на Русь хищные иноземцы, рвали, терзали беззащитную землю, то там, то сям отхватывали куски. Внутренний раздор, предательство, лихоимство в правящей верхушке стало обыденным явлением.

Во имя корыстных интересов бояре шли на всё. Наконец, обманом даже Москву сдали полякам. Это было последней каплей. Такое предательство ужаснуло и всколыхнуло всё общество, от верхов до низов. Князьё войско Дмитрия Пожарского, совместно с народным ополчением нижегородца Козьмы Минина, изгнало иноземцев из столицы. Смута, однако, не кончилась, ибо не было в стране сильного правителя, способного если не объединить всех вокруг себя, то хотя бы управиться с наиболее злостными. У каждого родовитого боярина была своя партия, каждый видел только себя на троне.

Романовы не были самыми-самыми среди боярских родов. Малолетнего Михаила потому и венчали на царство, что посчитали временной фигурой, поносит корону мол, покуда более достойные между собой разберутся. Но история рассудила иначе. Именно Романовым на 300 лет вперед выпало вести Россию, обустроить и возвеличивать.

**Алексей Михайлович
Романов**

Какой путь выбрать? Этот вопрос особенно остро встал в период царствования второго Романова — Алексея Михайловича. К этому времени в тогдашнем российском обществе начал воочию проявляться национальный великорусский патриотизм. Чуть-чуть передохнув от внутренних междоусобиц и иноземных набегов, русские люди начали задавать себе нелегкий вопрос: кто же мы такие и кем должны быть среди царств и народов?

Наиболее ярко проявилось это, естественно, на религиозной основе. Впрочем, здесь сразу следует сделать уточнение. Религия, правосла-

вие тогда были не просто предметом культа, традиции или ещё чего-то идущего рядом с обыденной жизнью, как это стало сейчас. Православие было естественной формой духовной жизни каждого русского человека, от простолюдина до государя. Церковь — это было единственное, что не подвергалось сомнению никем и никогда. Да и как могло быть иначе, ведь именно церковь на протяжении всех предшествующих веков выступала объединителем и хранителем земли русской.

Несколько столетий подряд примером для подражания русским людям служила колыбель православия — Византия. Оттуда, из “второго Рима” — Константинополя пришло к нам христианство, туда посылали мы своих людей учиться мудрости, там искали разрешения своих сомнений и споров. Но пал под ударами османских янычаров Константинополь, покорились туркам Греция, Болгария, Сербия и только юной России удавалось в бесконечных сражениях с султаном и его главным союзником — крымским ханом устоять. Это вызывало глубокую скорбь и растерянность от потери наставника, но и одновременно рост самосознания, национальную гордость, гордость за то, что хоть одной ветви славянства удалось сохранить и отстоять истинное христианство.

Поток беженцев из униженных и оскорбленных османами стран подогревал эту гордость. Патриарх константинопольский, надеясь на помощь и избавление от османского ига со стороны братьев по вере, писал на Русь: Москва нынче есть третий Рим, а четвертому не бывать.

Одновременно усиливались контакты и со стороны первого Рима. Все чаще русские попадали на Запад, все чаще европейцы приезжали в Москву. Русь втягивалась в европейскую политику, торговлю, русские учились латинскому языку, читали латинские книги, знакомились с жизнью на Западе, сравнивали с тем, что имели у себя. И далеко не всегда это было в собственную пользу.

В вопросе выбора пути для Отечества началось расслоение общества. Одни обращали взоры на Запад, другие ратовали за самобытность, за сохранение извечных порядков и традиций. Причем и те, и другие не просто считали себя, а истинно были патриотами Отечества. Ну чем не сегодняшний наш день, чем не сегодняшние наши споры?! Но если сегодняшние наши споры и поиски носят чисто светский характер, то в те времена они неизбежно должны были зиждиться на религиозной основе. Ведь, как уже упоминалось, религия и только религия была естественной и единственной формой духовной жизни общества. К тому же

и носителями просвещения, грамотности на 90 процентов являлись священнослужители. Ученость даже среди высшего боярства в особой чести не была, тем более сложен путь до нее был у простого люда. Только в царствование Алексея Михайловича в Москве были открыты первые учебные заведения.

Поэтому поиски путей в будущее для Руси могли бы продолжаться еще долгое время, если бы мощный толчок не дала им сама церковь, если бы на патриаршем престоле не появилась такая личность, как патриарх Никон.

Патриарх Никон.

47 лет от роду, стал всероссийским патриархом. Из русских людей XVII века я не знаю человека крупнее и своеобразнее Никона. Но его не поймешь сразу: это довольно сложный характер и, прежде всего, характер очень неровный. В спокойное время, в ежедневном обиходе он был тяжел, капризен, вспыльчив и властолюбив, больше всего самолюбив. Но это едва ли были его настоящие, коренные свойства. Он умел производить громадное нравственное впечатление, а самолюбивые люди на это не способны. За ожесточение в борьбе его считали злым, но его тяготила всякая вражда, и он легко прощал врагам, если замечал в них желание пойти ему навстречу. С упрямыми врагами Никон был жесток.

Кто же был этот человек, чье имя, несмотря на прошедшие три с лишним столетия, до сих пор повторяется и поминается? Вот как характеризует его знаменитый дореволюционный историк В. О. Ключевский.

— Патриарх Никон родился в 1605 году в крестьянской среде, при помощи своей грамотности стал сельским священником, но по обстоятельствам жизни рано вступил в монашество, закалил себя суровым искусом пустынножительства в северных монастырях и способностью сильно влиять на людей, приобрел неограниченное доверие царя, довольно быстро достиг сана митрополита Новгородского. Наконец,

По своим умственным и нравственным силам он был большой делец, желавший и способный делать большие дела, но только большие. Что умели делать все, то он делал хуже всех; но он хотел и умел делать то, за что не умел взяться никто, все равно доброе ли то было дело или дурное.

Никон принадлежал к числу людей, которые спокойно переносят страшные боли, но охают и приходят в отчаяние от булавочного укола. У него была слабость, которой страдают нередко сильные, но мало выдержанные люди: он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелой ли мыслью или широким предприятием, даже просто хотя бы ссорой с противным человеком.

Таким широким предприятием, увлечением такой смелой мыслью и стало для этого неоднозначного человека исправление богослужебных книг и обрядов русской православной церкви, то есть то самое мероприятие, которое и привело во второй половине XVII века к расколу русского общества. Нужно ли было это делать или не нужно сейчас можно спорить, но то, что взялся за это дело именно этот иерарх, а никто иной и не смог бы это сделать, довело и самое дело и тогдашнее общество до крайней степени напряжения. И все же, зачем это было нужно?

Рост самосознания, зарождение великороссийского патриотизма, Москва — третий Рим... Выше уже упоминались эти термины и упоминались неспроста. Именно это — стремление поместной русской церкви утвердиться в качестве вселенской, унаследовать функции Константинополя, стать центром мирового православия и породило необходимость реформ. Нужно было решать, что делать с теми значительными расхождениями в ряде обрядов, ведении службы, толковании отдельных постулатов. Восточные иерархи, все чаще наезжавшие в XVII веке в Москву, укоряли русских церковных пастырей за эти несоответствия, предупреждали, что это может внести несогласие между поместными православными церквями.

На Афоне, а это общая православная святыня, монахи всех греческих монастырей, составив собор, признали двуперстие ересью, сожгли московские богослужебные книги, в которых оно было положено, и хотели сжечь самого старца, у которого нашли эти книги.

Такие факты не могли не подтолкнуть московских иерархов к действию. Никон понимал, что дальнейшее единение с восточными церк-

виями и упрочение среди них вселенской роли московской патриархии невозможно без тесной идейной общности. Ну, а поскольку среди прочих церквей русская была самая молодая, то и перемены производить по логике вещей предстояло ей.

Орден иезуитов, ставший к тому времени оплотом католицизма и главным защитником папского престола, устремил свою экспансию на восток. Борьба со схизматиками, то есть неправильными христианами, а именно так называли на Западе приверженцев православия, стала одним из основных направлений деятельности ордена. Через Польшу и Литву иезуиты легко проникли на Украину и в Белоруссию, тем паче, что земли их входили тогда в состав Речи Посполитной и Великого княжества Литовского. Там они устраивали свои коллегии и академии, там вели активную пропаганду среди православных за переход в католичество или хотя бы в лоно Униатской* церкви.

Вместе с поляками, в обозах Лжедмитрия I и Лжедмитрия II проникли иезуиты и в Москву. И хотя пробыли они там не долго, но определенный червь сомнения оставить сумели.

Да и на многих украинских богословах и монахах, пришедших в Москву из Киева после воссоединения Украины с Россией в 1654 году, долгое общение с иезуитами сказалось. Нет, они не отошли от православия как такового, но на целый ряд обрядовых и иных действий смотрели иначе чем это было принято на Москве.

Украинские монахи и священники высоко ценились Московской патриархией. Люди весьма образованные для своего времени, знавшие не только греческий, но и латинский языки, прошедшие серьезную подготовку в спорах с католиками, они не могли не оказать влияния на гордых, но явно уступающих им в умении вести богословский спор москвитам. (Кстати, сам патриарх Никон ни греческим, ни латинским не владел, поэтому доверяться ему приходилось на слово. Слово же это не всегда было искренним).

Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович и другие внесли немалый вклад в историю русской культуры. Но одновременно они же стали и катализатором того конфликта, который привел к расколу русского церковного общества. Поэтому и сам раскол

* См. Краткий словарь малопонятных слов и терминов

можно рассматривать не только как чисто внутренний, но и как конфликт великорусской и украинской православных традиций.

Впрочем, обусловлен он был еще ранее, а именно при самом крещении Руси. В ту эпоху в Византии пользовались двумя церковными Уставами: Иерусалимским и Студийским, которые в обрядовом отношении разноречили. Восточные славяне приняли и соблюдали первый, греки, а вслед за ними и другие православные народы соблюдали второй. На Украине, оказавшейся на целые столетия в отрыве от Восточной Руси, со временем также возобладал второй. Естественно, на Великорусские традиции украинские богословы смотрели как на ересь, как на отступление от общеканонических, хотя все было как раз наоборот.

К середине XVII века стало очевидным, что так называемая “Святая Русь”, отличающаяся относительным единством в мировоззрении и поведении людей уходит в прошлое. В двери стучались реформы. Присоединение Украины сделало их еще более актуальными, нужно было думать о единообразии церковного обряда. Вопрос был только в том, на какой основе осуществлять это единообразие: на традиционной или новогреческой.

В Москве начал действовать кружок ревнителей благочестия. Вошли в него наиболее авторитетные и образованные люди того времени. Сам царь Алексей Михайлович, царский духовник Вонифатьев, протопопы Аввакум, Неронов, ряд высших иерархов, в том числе и будущий патриарх Никон.

На собраниях рассматривались самые разнообразные вопросы церковной жизни, в том числе и претензии греков к русским богослужебным книгам и ряду обрядов. Происходило это вполне чинно и возможно реформы были бы проведены с общего согласия, но разрушил все нетерпимый и властный нрав Никона, да происки хитрых киевских богословов.

Став патриархом, Никон отдалился от бывших своих единомышленников. Киевлянин Епифаний Славинецкий и грек Арсений сумели внушить ему, что бывшие друзья его не правы и что в этой своей неправоте посягают на достоинство патриарха. Такого он, конечно же, стерпеть не мог.

Кружок ревнителей благочестия бысть перестал. Дело по исправлению богослужебных книг было поручено Епифанию Славинецкому и греку Арсению. То, как они его исполнили, не могло не вызвать протеста в тогдашнем обществе.

Дело в том, что древнерусское церковное общество на протяжении предшествующих веков привыкло считать себя единственным истинно православным в мире, своё понимание божества исключительно правильным, творца вселенной представляло своим собственным русским Богом, никому более не принадлежащим и неведомым, свою поместную церковь ставило на место вселенской. Соответственно и своя местная церковная обрядность признавалась неприкосновенной святыней, а своё религиозное понимание — нормой боговедения.

Еще раз подчеркнем, что различия в ряде обрядовых действий, а также богослужебных книгах не от русской поместной церкви пошли. Более того, русская православная церковь на протяжении семи веков практически ничего не изменила из того, что получила в своё время вместе с крещением. Новшества пошли в восточных церквях. Там, как уже говорилось, сказалось более сильное влияние соседей-католиков, подрывная работа вездесущего ордена иезуитов.

Простое сличение текстов богослужебных книг русских и греческих, изданных до XIV века, говорит о их полной идентичности. В более поздних греческих книгах уже появляются разночтения. Но в расчёт это не бралось, а упреки сыпались только в адрес русской церкви. Но если высшие иерархи русской церкви, исходя из особых стратегических целей, и готовы были пойти навстречу восточным патриархам, то общество, о таких целях неосведомленное, спокойно воспринять такое не могло.

Воспитанное в строго консервативном духе, любое новшество, любое изменение, тогдашнее русское общество воспринимало как посягательство на устои, как ересь, принесенную на Русь западниками, стремящимися искоренить истинное православие. А новшества были предложены весьма своеобразные, да и способ их введения оказался чересчур крут.

Сличая славянский текст символа веры и богослужебных книг с текстом греческим, Никон нашёл в них немало различий и собственной властью, даже не вынеся на поместный собор, велел внести исправления и следовать им в дальнейшем. Своею властью, без собора в 1653 году перед великим постом он разослал по церквям указ, сколько следует класть земных поклонов при чтении известной молитвы Ефрема Сирина, причем креститься предписывал тремя перстами.

Кстати, интересный момент из церковной истории произошел при митрополите Киприане за сто лет до будущего раскола. Псковичи, как

западный форпост Руси того времени и по этой же причине более подверженные западным влияниям, ввели у себя трооперстие. На Стоглавом соборе, состоявшемся в 1551 году, псковские священники были осуждены, а псковичей понудили вернуться к двуперстию. Но тогда это был частный случай и все прошло сравнительно спокойно. Ныне же все свершалось со знаком до наоборот.

Патриарх ополчился против русских иконописцев своего времени, которые, не признавая новогреческих образцов в писании икон, следовали древним, исконным образцам. Далее, при содействии юго-западных монахов, ввёл на место древнего московского унисонного пения новое киевское партесное, сократил сроки богослужения, а также завел небывалый обычай произносить в церкви проповеди собственного сочинения.

Легко понять смущение, в которое должны были впасть от этих новизн православные русские умы. Распоряжения Никона показывали обществу, что оно доселе не умело ни молиться, ни писать икон, ни совершать богослужения как следует. Ко всему и методы, которыми патриарх проводил в жизнь свои распоряжения, вместо совета и разъяснения, тщательной подготовки общества, сопровождались невероятным шумом, жестокими мерами против ослушников. Оборвать, обругать, проклясть, избить неугодного человека таковы были обычные приемы его властного пасторства.

Так он поступил даже с епископом Коломенским Павлом, возражавшем ему на соборе 1654 года: Павел был лишен кафедры, предан “лютому биению” и сослан, сошел с ума и умер безвестной смертью.

В 1654 году, когда царь был в походе, патриарх приказал произвести в Москве обыски по домам и забрать старописьменные иконы везде, где они окажутся, даже в домах знатных людей. У отобранных икон выкалывали глаза и в таком виде носили по городу, объявляя патриарший указ, который грозил строгим наказанием всем, кто будет писать и молиться на такие иконы.

В 1655 году в Успенском Соборе после литургии в проповеди своей Никон предал церковному отлучению всех, кто впредь будет писать или держать у себя иконы старорусского образца. При этом ему подносили отобранные иконы, и он, показывая каждую народу, бросал ее на железный пол с такой силой, что икона разбивалась. Наконец, он приказал сжечь “неисправные” иконы. И только вмешательство царя Алексея остановило, по его совету иконы зарыли в землю.

Могли ли такие действия не вызвать противодействия? Естественно, не могли. Раскол состоялся. Тем паче, что возглавили его выдающиеся люди своего времени, такие, как Иван Неронов, протопоп Аввакум и многие другие. Это были не только популярные проповедники, но и народные агитаторы. К Неронову, когда он стал настоятелем Казанского Собора в Москве, на служение сходилась вся столица, переполняла храм и паперть, облепляла окна. Сам царь с семьей приходил послушать проповедника. Патриарх на все это отвечал жестокими карами.

Протопоп Аввакум.

Не менее неистовый Никон также печально завершил свои дни. Как уже говорилось, Никон был выходцем из крестьян, точнее из мордовских земледельцев. Сделав головокружительную карьеру от сельского священника до митрополита Новгородского, став любимцем самого царя, он, в силу своеобразия своего характера, настолько уверовал в самого себя, в свою избранность, что изначально потребовал равенства с царем, ставя власть духовную выше мирской. Это ярко проявилось в день самого введения его в патриарший сан.

Когда Никону принесли патриаршские регалии он отказался их принимать. Это был, конечно же, обычный политический жест, стремление

— Меня взяли от всенощного со стрельцами, на патриархове дворе, на цепь посадили ночью, — пишет в своем знаменитом Житии протопоп Аввакум. — Егда же рассветало в день недельный, посадили меня на телегу и растянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря и тут на цепи кинули в темную палатку, ушла в землю, и сидел три дня, не ел, не пил, во тьме сидя, кланаясь на цепи...

Неистовый Аввакум, перенеся неимоверные лишения и муки, потеряв жену и детей, окончил дни свои на севере в Пустозерске, где после долгих лет заточения в подземном срубе, так и не смирившись, был заживо сожжен.

выиграть как можно больше будущих привилегий. Но жест этот поверг в смятение народ и даже самого царя. Церковь не должна была оставаться без пастыря. А заполучить нового можно было только с согласия четырех патриархов: Константинопольского, Александрийского, Иерусалимского и Антиохийского. На это могли уйти годы.

Царю пришлось преклонить колени перед Никоном, слезно просить принять патриаршество, обещать исполнение всех его непомерных желаний.

Никон получил огромную власть и аналогичный царскому титулу “Великого Государя”, а также право устроить церковь в соответствии с его желаниями. Желания же были непомерно амбициозными и крайне нетерпимыми не только по отношению к людям церкви, но и по отношению к князьям и боярам.

Интересно и его отношение к бывшим друзьям по кружку ревнителей благочестия. Почти все они выступили против нововведений Никона и с каждым он был крайне жесток. Но стоило тому же Ивану Неронову повиниться перед патриархом, как он был тут же прощен и возвращен из ссылки. Но таких оказалось немного.

Количество противников Никона накапливалось и не только среди людей церкви, но и среди бояр. Последние сделали все возможное, чтобы испортить отношения Никона с царем и преуспели в этом. Да и сам царь, видимо, не забыл своего унижения при возведении патриарха в сан.

Крутой нрав, непомерное самомнение Никона в конечном итоге сыграли с ним злую шутку. В 1658 году, во время очередного праздника, царский окольныйчий, прокладывая, по обычаю дорогу для государя, ударил патриаршего человека палкой. Тот обиделся, побежал за защитой к Никону.

Возмущенный патриарх потребовал от царя строгого наказания обидчика. Увы, но царь не усмотрел в этом серьезного дела, как, впрочем, оно и было на самом деле. Никон же в силу своего сложного характера увидел в этом личную обиду и из мелочного дела раздул непомерную историю.

Дабы поставить царя на место, он решил воспользоваться своим прежним трюком. Он объявил о сложении с себя патриаршества и об уходе в монастырь. Напрасно его уговаривали не делать этого, напрасно удерживал патриаршую карету народ, он ушел в Воскресенский монастырь, называемый еще Новоиерусалимским, пешком и там стал ждать

главного — приезда с повинной царя Алексея Михайловича. Но, увы, он просчитался. Царь к патриарху не пришел.

Далее судьба Никона становится малоинтересной. Почти 10 лет цеплялся он за патриаршество, не возвращал патриаршие регалии, без которых возвести в сан нового патриарха было невозможно. И лишь на Соборе 1667-68 годов в присутствии патриархов Александрийского и Антиохийского, специально приглашенных в Москву, Никон был отрешен от патриаршества и сослан в монастырь простым иноком под присмотр братии. Там он в дальнейшем и умер.

Но не умерло его дело. Тот же Собор 1667-68 года подтвердил все реформы, проведенные в период патриаршества Никона.

Напрашивается вопрос, почему царь, отрешив патриарха от престола, не попытался погасить раскол, почему и после Никона он продолжал расти и шириться? Чтобы ответить на это нужно понять не только побудительные мотивы, но и цели, которые ставили перед собой участники этого теперь уже исторического процесса. А участников, как оказалось, было трое: церковная верхушка, приверженцы старого благочестия и светская власть в лице царя Алексея.

О целях и побудительных мотивах церковной верхушки того времени мы уже говорили — это стремление возвеличить поместную церковь до уровня вселенской, поднять упавший константинопольский жезл над Москвой. Патриотично? Безусловно.

А противники? У них, как у первохристиан была единственная цель спасти свои бессмертные души. А спасение они видели в неуклонном следовании тем догмам и канонам, которые впитали от отцов и дедов. Можно их за это осуждать? Нет, конечно. Они были очень русские люди, носители высочайшего национального духа. А то, что православие и русское национальное самосознание в те времена были нераздельны, мы уже говорили. Патриотично это? Безусловно.

В этом, кстати, и коренное различие между церковными расколами у нас и на Западе. Там они проходили, примерно, в эти же времена. Но и побудительные причины, и цели были разные. Там, в условиях всеподавляющей власти Папы, на повестку дня ставилось дальнейшее существование государств. Поэтому протестанты, борясь с католицизмом, боролись прежде всего за национальное самосохранение.

На Руси такой вопрос не стоял. Ни одна сторона, ни другая на государство не покушалась. Патриотами в истинном смысле этого слова

были все. Но если одна сторона светские интересы возвышала над духовными, то вторая этого снести не могла. В итоге выиграла от раздора сторона третья — государство в лице царя Алексея. Тишайший — так он поименован в истории государства российского — взвесил все плюсы и минусы раскола и плюсов у него оказалось больше. Идея возвышения государственной церкви до масштабов вселенской не могла не импонировать государю. Его трон также мог бы заместить павший константинопольский. И в тоже время в развернувшемся раздоре ослабла власть церковной иерархии. А она ведь давила и на государя, ограничивала его определенными духовными рамками. Не воспользоваться этим также было нельзя. И он воспользовался. Сама отставка Никона говорит об этом. Ведь до сей поры ни один государь без поддержки Константинопольского патриарха не решался на такое. Он решился. И в общей смуте это прошло, более того было воспринято с благодарностью. Слишком уж одиозен стал Никон. И новый Патриарх был назначен уже самим царем, без согласования с Константинополем. И в будущем уже никто не помышлял иначе. То есть впервые церковь была фактически отделена от государства, во всяком случае отдалена: никогда после патриархам уже не удавалось в такой мере влиять на дела светские, как это было до раскола. Сын Алексея Петр I пошел еще дальше, он вообще упразднил патриаршество в России. И хоть влияние русского православия на другие поместные православные церкви вместе с дальнейшим укреплением государства тоже росло, но третьим Римом Москва так и не стала.

Остановившись на целях и побудительных мотивах участников исторического процесса, уместным будет сказать и о том, к чему привела бы ситуация, в которой победителями оказались бы ревнители древнего благочестия. Они ведь тоже выступали за реформы, особенно на первом этапе. Как уже говорилось, и Никон, и Вонифатьев, и Неронов, и Аввакум были людьми одного круга, более того между ними существовали тесные дружеские отношения. В кружке ревнителей благочестия они вместе обсуждали пути дальнейшего укрепления и возвышения русской православной церкви. Все вместе они искренне считали задачей Московской патриархии стать доминирующей среди православных церквей и даже во всем христианском мире. То есть активно поддерживали пресловутую идею третьего Рима. Только путь к этому возвышению они видели не в копировании новогреческих образцов, а в

строгом следовании древним основам русского православия. Не русские, а греки должны были вернуться к своим основам.

Сам Никон полностью был согласен с этим. Но став патриархом, под влиянием киевских богословов и греческих монахов он пересмотрел свои взгляды, ибо понял, что путь этот слишком долог, малоперспективен и в конечном счете может дать совсем обратный эффект, то есть привести к самоизоляции русской Церкви. Ведь изменить неподвластных тебе людей гораздо сложнее чем подвластных. С учетом крутого нрава самого патриарха, это сделало раскол неизбежным.

В среде приверженцев старого благочестия стал вызревать тезис о пришествии на землю антихриста, о скором конце света и испытании, наложенном Господом в связи с этим на русский народ. И сам Никон, а затем даже и царь Алексей стали ассоциироваться как люди, вступившие в сговор с антихристом. Он, невидимый, ходит среди людей, смущает души, руками слуг своих творит немыслимое. И коль сумел он пошатнуть самую Церковь святую, и коль нельзя противостоять этому — то нужно уходить, спасаться от козней его, дабы на скором Страшном Суде предстать перед Господом чистыми и непорочными.

После ухода Никона с патриаршества гонения на приверженцев древнего благочестия не прекратились. Более того, в 80-х и 90-х годах XVII века они еще более усилились. Не опасаясь старообрядцев как соперников во власти, власть тем не менее опасалась, что сам прецедент неповиновения может стать дурным примером для общества. Поэтому и обрушилась на ревнителей старой веры не только церковная опала, но и тяжелая царская рука. Их хватали, бросали в ямы, заковывали в цепи, пытали и сжигали на кострах (такой уж был век), требовали отречься, вернуться в лоно господствующей церкви. С истинно христианским смирением сносили они муки. Многих, очень многих, как первохристиан, за высочайшее духовное торжество можно было бы причислить к лику праведников и мучеников. Нередко, отчаявшиеся противостоять, застигнутые врасплох, загнанные в угол, они сами себя предавали огню, погибали, только бы не изменить вере.

Это были истинно русские люди. Они ничего не просили, ничего не требовали, ни на что не покушались, они хотели и кротостью своей добивались только одного, чтобы постулаты православия, переданные им отцами и дедами, остались незабываемыми. И если поначалу они надеялись, что сильных мира сего можно убедить, что все это не более

чем временное помрачение разума и все вернется к своим истокам, то после низвержения Никона надежды растворились. Но вера осталась.

Откройте альбом русской живописи. Найдите Василия Сурикова, всмотритесь еще раз в его картину “Боярыня Морозова”. Это ведь не выдуманное лицо, художник взял конкретного человека, конкретное историческое событие. Боярыня Феодосия Морозова представительница одного из самых знатных и богатых родов, была заживо погребена в темнице, долгие годы провела в монастырской тюрьме. А ведь требовалось от нее только одно – отступить. Но не отступилась. Всмотритесь, какой внутренней силой горят ее глаза, какой уверенностью в своей правоте веет от этой хрупкой женщины. Такие не отступаются и их деяния – пример нам, потомкам.

“Боярыня Морозова”. Картина Василия Сурикова.

Можно по-разному относиться к этим людям, но не уважать их нельзя. На много поколений вперед показали они русскому обществу, каким может и должен быть русский человек, когда дело касается его убеждений.

В последние десятилетия XVII века, да и в начале XVIII, повсюду древлеправославных христиан сжигали на кострах, им рубили головы, резали языки, отсекали руки, ломали клещами ребра, четверговали. Тюремь, монастыри, подземелья были переполнены страдальцами за древлеправославную веру. Преследованиям подвергались не только мужчины, но и женщины, дети.

14 апреля 1682 года на костре в Пустозерске был сожжен священномученик протопоп Аввакум. После страшных, нечеловеческих пыток и мрачного подземелья за исповедание Древлеправославия 11 сентября 1675 года скончалась княгиня Евдокия Урусова, а 2 ноября того же года умерла и разделившая участь сестры боярыня Морозова.

22 января 1676 года после восьми лет осады царскими войсками пал Соловецкий монастырь. Стрельцы ворвались в святую обитель и с беспощадной жестокостью расправились с иноками, не пожелавшими принять церковные нововведения. Более 400 иноков было повешено, потоплено в проруби, скончалось под топором палача.

В 1685 году царевна Софья, по настоянию Московского патриарха Иоакима, издала против старообрядцев 12 карательных статей, в которых последователи Древлеправославия назывались раскольниками и противниками церкви. Всех, кто даже тайно исповедовал Древлеправославие приказывалось избивать кнутом, отправлять в ссылку, а самых упорных “казнить смертью безо всякого милосердия”.

От остальных русских людей требовалась беспощадная жестокость по отношению к старообрядцам — своим же братьям по крови и вере. Наказание следовало даже тем, кто даст поесть или испить воды, приютить гонимых. Патриарх Иоаким в своем указе требовал: “Смотреть накрепко, чтобы раскольники не жили в волостях и в лесах, а где объявятся, самих ссылать, пристанища их разорять, имущество продавать, а деньги присылать в Москву”.

Царь Петр I несколько ослабил давление на старообрядцев, разрешил им проживать в городах и селениях, но установил с них двойной налог. С каждого мужчины также брался налог за ношение бороды.

В дальнейшем при одних царях, таких как Петр II, Николай I, гонения на старообрядцев усиливались, при других, как в царствование Екатерины II, несколько ослабевали, но не прекращались вплоть до 1905 года, когда старообрядцы получили возможность строить храмы, издавать религиозную литературу, открывать духовные школы, звонить в колокола и т. п.

Было ли такое на Западе? Было, конечно. Достаточно вспомнить Варфоломеевскую ночь в Париже. Но там иные были цели, хоть и похожие способы их достижения. Поэтому в одних государствах очень быстро победил протестантизм и общество консолидировалось на новой основе, в других папская власть устояла и протестующие вернулись в лоно католицизма. Гражданские войны угасли.

У нас же все обстояло иначе. Прежде всего не было никакой гражданской войны. Старообрядцы оказывали чисто пассивное сопротивление. Да и не могли истинно православные русские люди пойти против таких же русских православных людей. Не сумев убедить в своей правоте властьпредержащих, они хотели только одного — остаться верными своей вере, так как они это понимали, сохранить от вечных мук свои души. Не получив на это позволения, спасаясь от мук земных, потянулись слободские, посадские, крестьянские люди с насиженных мест в необжитые, малонаселенные, а зачастую и в совсем дикие места. Одни уходили на Север, другие на Урал, в Сибирь, третьи на Дон, в молдавские, румынские и даже грузинские земли, четвертые устремились на Запад на приграничные с Польшей и Литвой земли. А граница с Польшей в те времена не так уж и далеко была: пролегла где-то по нынешним границам юго-западных районов Брянщины.

Западные рубежи Руси в те годы охраняли малороссийские казаки. Во главе Украины стоял гетман. Он представлял и гражданскую и военную власть. Территориально Украина делилась на казачьи полки. Одним из таких полков, занимавшем территорию нынешнего юго-запада Брянщины и северных земель Черниговщины, был Стародубский казачий полк. Через земли полка, в Польшу и устремился один из потоков приверженцев старого благочестия.

Центром сбора стала слобода Ветка нынешний районный центр Гомельской области Белоруссии. Единоверцы всей душой принимали беженцев, но земли окрестные были уже заняты, а без земли в те времена прокормиться было весьма и весьма непросто. Поэтому в 90-е годы, когда несколько снизились церковные и властные гонения, начался обратный отток беженцев в Россию.

Но на свои исконные места в центральных губерниях вернуться они не могли. Поэтому селились на пустующих, малолюдных приграничных территориях, в частности, на землях, находящихся под управлением Стародубского казачьего полка. Это было удобно еще и тем, что в случае крайней нужды можно было быстро сняться и снова уйти в Польшу. Независимые старообрядческие поселения назывались слободами*. Так возникли слобода Зыбкая на ручье Карна, Злынка на ручье Злынь, Клиницы, Лужки, Воронок, Елионка, Митьковка, Чуровичи... Привел своих людей из Польши на речку Ирпу в конце 80-х годов начал 90-х XVII века и авторитетный старовер Клим Ермолаевич. Посели-

лись сначала тайно, затем, маленько окрепнув, выпросили, а точнее выкупили у полковника Самойловича разрешение на бесхозные земли.

Возникает вопрос: что значит выкупили, откуда у бегущих и преследуемых были такие возможности? Ответ не прост и, на мой взгляд, он в следующем.

Прежде всего нужно понять, что уходили в бега не нищие с паперти, хотя, конечно, были и такие. По большей части это была элита тогдашнего общества: служилые люди, из купеческих и даже дворянских родов. А возглавляли их чаще всего священнослужители. Подтверждается это уже тем, что процент грамотных среди старообрядцев был по тем временам изрядно высок. А путь неимущих к грамоте был весьма и весьма тернист, а точнее, попросту закрыт.

Да и станет ли тёмный, неграмотный человек сомневаться в том, что ему велят делать? Тем более, когда дело касается таких тонких вещей, как разночтения в священных книгах, в написании имени Сына Божия Иисуса, в ряде обрядов и таинств. Это доступно было только людям достаточно образованным, думающим, а с учетом времени происходящего, безусловно, обеспеченным.

Нужно учесть еще и то, что на исход с насиженных мест мог решиться далеко не каждый. Многие русские люди, внешне приняв нововведения, в душе остались прежними, в тайне продолжали исповедовать древнее благочестие и долгом своим считали помогать тем, кто открыто выразил протест. Тайные связи между единоверцами не прерывались. Кстати, они в дальнейшем стали той базой, которая пополняла старообрядческие слободы. Но тем большего уважения заслуживают те, кто первыми проложил этот путь.

Существует и другая версия появления на Стародубщине старообрядческих поселений. Известный религиозный писатель XVIII века Алексеев, кстати, выходец из Климовой слободы, так описывает появление старообрядцев на землях Стародубского полка:

— Некто бывый во Москве поп, именем Козма, службу имея во церкви Всех Святых на Кулишках¹: видя сия налетания (соборное 1667г. запрещение раскола), совет положи со духовными детьми своими отойти во Стародубовские пределы; бяше бо

¹ Кулишки — храм в Москве, возведенный в честь победы Дмитрия Донского над татарами в 1380 году на Куликовом поле.

ему на той час Стародубский полковник zelo знаем и друг Гавриил Иванович: его же в неких напастех укрываше... И угодно бысть всем совещание то, оставльше жительства своя, поидоша во Стародуб. Полковник же, видев Козму попа, любовное приятие всем сущим со ним показа, и на прошения их написа лист, посла их ко атаману Курковскому Ламаке, повелевая листом оным отвести им на жительства место, нарицаемое Понуровку, и тамо вси со Козмою поселишася при реце (Ревне), в лето 7177...

То есть, в 1669 году. Из Понуровки они расселились по другим местам и образовали только на землях Стародубского полка до 20 своих отдельных слобод, населённых исключительно раскольниками, каковы: Зыбкая, Климова, Клиницы, Радуль, Млынка, Злынка, Добрянка, Елёнка, Воронок и другие.

Этой версии придерживались и иерархи Черниговской епархии. Во всяком случае в книге “История Черниговской епархии”, изданной в 1913 году в честь 300-летия династии Романовых, авторы приводят именно её.

Недоверять Алексееву нельзя, он описывал события, можно сказать, ещё по “горячим” следам. И Понуровские, и Ветковские старообрядцы образовывали общие поселения, а кто и откуда пришёл конкретно сегодня установить вряд ли возможно.

В книге “Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба”, изданной в 1865 году в Санкт-Петербурге в разделе “Черниговская губерния”, составленном полковником Генштаба М. Домантовичем, история заселения Стародубья раскольниками трактуется следующим образом.

... Тайное поселение раскольников в бывшем Стародубском полку или в “Азии малороссийской”, по выражению раскольников, началось вслед за образованием раскола в России, в 1667 году, когда при царе Алкsee Михайловиче на Московском Соборе произнесено было проклятие всем хулящим и непокоряющимся господствующей церкви.

Первые здесь поселенцы были жители Москвы, всего 12 семейств, пришедших сюда с попом Козмою, из прихода Всех Святых, что на Кулишках. (Нынешнее село Понуровка было первое их поселение, затем вновь приходившие сюда переселенцы стали селиться в Синем и Белом Колодце, Замишеве и Шеломах. В 1700 году заселены слободы Лужки, Радуль, в 1701 году Зыбкая, в 1703 году Тимошкин Перевоз, Климова и Митьковка, в 1707 году слобода Клиницы, в 1709 году слобода Добрянка, в 1712 году — слобода Свяцкая). (Даты спорные. Прим. автора).

Царевна Софья, тотчас после прекращения бунта Никиты Пустосвята¹ в Москве, узнав о переселении раскольников в Стародубщину, приказала Стародубскому полковнику Семену Самойловичу и Черниговскому архиерею, или ласкою, или силою обращать их к православию. (Царская грамота 1689 года). Строгие меры, принятые Самойловичем вследствие этого Указа, заставили многих раскольников оставить стародубские слободы и удалиться в смежные земли (принадлежавшие тогда Польше), где они и поселились в слободе Ветке, сделавшейся впоследствии столь известной в истории раскола. Многим, однако же, из первоначальных слобожан, несмотря на строгость преследования, удалось остаться в Стародубье, где они в скором времени получили право на оседлость, подтвержденное универсалами* гетмана Мазепы. С изменой Мазепы, дела раскольников приняли другой оборот.

Когда шведская армия устремилась из Польши в Стародубский полк, то здешние великорусские слобожане, вооружаясь кто чем мог, стали нападать на шведские отряды, успели часть из них уничтожить, а часть привести в плен в г. Стародуб, где и представили их лично царю Петру, который приказал тогда же полковнику Иергольскому (отчего раскольники одно время называли себя иергольцами или йоржецами) переписать стародубские слободы, простил всех, находившихся там беглецов, какого звания они не были, зачтя их в рекруты* помещикам и городским обществам, которым они прежде принадлежали, а в награду подвига слобожан, утвердил за ними в вечное и потомственное владение земли, на которых малороссийские землевладельцы допустили их поселиться без дозволения правительства. Обстоятельство это имело весьма важное последствие: существование раскольничьих слобод в

¹ **Пустосвят** — Никита Добрынин, суздальский священник по прозвищу Пустосвят. Во время волнений стрельцов при правлении царевны Софьи, заручившись их поддержкой, старообрядцы потребовали проведения свободного диспута с иерархами господствующей Церкви по вопросам веры. Правительство вынуждено было согласиться. Диспут возглавили патриарх и Никита Добрынин, человек большой учености. Естественно в таких спорах, как это и бывает всегда, никто никогда не побеждал. Поэтому каждая сторона объявила победителем себя.

Софья, после доклада патриарха, приказала схватить старообрядцев как не доказавших своей правоты. Стрельцы легко отреклись от старцев, а получив жалованье, которое они требовали, и вовсе успокоились.

Никиту Добрынина казнили, отрубив ему голову, а остальных старообрядцев отправили в ссылку.

стародубовщине, так сказать, узаконилось; население их стало быстро возрастать и в короткое время они, в глазах всего старообрядчества, сделались сильны и влиятельны, не менее самой Ветки. (Усилению слобод весьма много содействовали снисходительность и потворство начальства Стародубского полка. В это время Стародубским комендантом был Илья Пашков, ревностный раскольник, он-то в особенности и потворствовал раскольникам).

По окончании переписи Петр приказал раскольничьи слободы обложить податью и считать их в ведении Киевской генерал-губернаторской канцелярии, ближайшее же заведование ими было поручено волостной конторе, учрежденной в слободе Климовой, под начальством отставных офицеров и избираемого от слобожан бурмистра*, которому подчинялись войты*, избираемые мирским приговором в каждой слободе. Власти эти были не только административно-полицейские, но отчасти и судебные.

Обстоятельство это придало особое значение Климовой, возвысившейся еще более, когда впоследствии сюда была перенесена из Ветки Покровская церковь и открыт женский Казанский монастырь, первым священником в котором был поп Михайло Калмык, известнейшая личность в истории раскола (последователи его стали называться калмыковцами). С этого времени в некоторых раскольничьих сочинениях Климовой придается название “Нового Иерусалима”*, в смысле возобновления Ветковского благочестия.

В журнале “Киевская старина” за сентябрь 1889 года в большом очерке священника и историка Лилеева эти же события интерпретируются несколько иначе. Датой образования Климова называется 1708 год.

Этой же точки зрения придерживается и автор, опубликовавший в “Черниговских епархиальных известиях” за 1898 год большой исторический очерк “Раскол в северной Малороссии в XVII—XVIII веках”. Он, в частности, пишет следующее: — “В конце XVII и начале XVIII в., в эпоху преобразовательной деятельности Петра Великого и отрицательного отношения к старорусским обычаям и преданиям, когда раскольники распустили молву, что настало время антихристово, что Москва мерзкое море и темный Вавилон, а жители вавилоняне, слуги антихристовы, сыны погибели, носящие парики с хвостами, появилось, или, по выражению того времени “осело” много раскольничьих слобод в соседней Польше и до десятка в северной Малороссии. Русские суеверы в то время толпами бежали из православных городов и сел,

деревень и починков, как из царства антихристово, в скиты и пустыни раскольнические, находившиеся вдали от непосредственного надзора гражданской и духовной власти, на окраины государства или даже за его пределы, как в места спасения, чуждые еретических “новоперемени” и процветавшие древнецерковным благочестием. Священник Дмитрий Ростовский в своем розыске о раскольнической вере, со слов лиц бывших и живавших в Брянских лесах и других убежищах раскола, свидетельствует, что многие раскольники в то время “во оныя страны переселишася и в Польшу мнози поидоша, тамо в неких местах множество, якоже сказуют, поселилися (ч. I. л. 26). Поселилися и в северной Малороссии”.

Далее автор подробно рассказывает о времени, условиях и первоначальных местах заселения старообрядцами северных малороссийских слобод Лужки, Зыбкой, Злынки, Тимошкина Перевоза, Добрянки, Клинецов, Радуня, Чурович, Городища и других. Нас же в первую очередь интересует Климова слобода. Вот что о ней пишется в очерке:

— Шведское нашествие на Украину не остановило ни дальнейшего притока сюда великорусского населения, ни образования новых раскольничьих слобод. В 1708 году, по разрешению полковника Скоропадского¹, на чолховских грунтах, “в помощь волости чолховской”, над речкою Ирпою осажена слобода Климова, названная так по имени осадного, “из заграницы зашлаго Клима Ермолаевича”, мещанина местечка Головчина, которому поставлялось условием при заселении слободы “осаживать людей... не тутошних, але также из заграницы зашлих”, с предоставлением “воли” (т. е. освобождения от податей) на семь лет. На первых порах она называлась и Песочанской слободкой по речке Песочной.

В энциклопедическом описании населенных пунктов Черниговской губернии указывается точная дата образования Климова. Это 25 июня 1708 года по старому стилю или 8 июля по новому стилю. Именно этим

¹ **Скоропадский** — Иван Ильич. Родился в 1646 году. Выходец из мелкопоместного польского шляхетского (дворянского) рода. При гетмане Мазепе Скоропадский был Стародубским полковником. Мазепа нередко посылал его с поручениями к царю Петру, которому он сумел очень понравиться.

После измены Мазепы, Скоропадский остался верен Петру, не повел своих казаков в Семеновку на соединение с Карлом.

В 1708 году, при полном одобрении Петра I, Скоропадский был избран гетманом Украины. Много делал для полного соединения Украины с Россией.

Умер в 1722 году.

числом помечен “осадный лист”, выданный полковником Стародубского полка, будущим гетманом Украины Иваном Ильичем Скоропадским осадчю новой слободы Климу Ермолаевичу. Хранится он в архивных делах Климовской ратуши. Есть ссылки на него в третьем томе “Истории Малороссии” Бантыша-Каменецкого и в “Сборнике правительственных постановлений о расколе”, изданном в Лондоне Андреем Иоанновым. Поэтому правильным будет взять за основу именно эту дату, хотя первые поселенцы безусловно появились здесь лет на 10-15 ранее.

В том же описании Черниговской губернии в статье “Климов” говорится: “Начатки поселения в здешней местности положены в исходе века бежавшими из внутренней России раскольниками и крепостными крестьянами. Но это были уединенные и почти тайные хутора”.

В книге “Описание старой Малороссии” Ал. Лазаревского в томе первом, посвященном Полку стародубскому, приводятся выдержки из текста этого знаменательного для нас климовчан рескрипта* полковника Ивана Скоропадского. Хотелось бы их воспроизвести так, как они звучали изначально, ибо в них дух времени веет.

“...Симъ монимъ полковничимъ ознаймѣю писаниемъ, ижъ въ грѣнцахъ чолховскихъ въ селѣ волномъ между рѣками Ирпоу, Ирпичю, и Пѣсочною, въ особеннѣи мѣстѣ обширностѣю на мнѣю въ себѣ многосѣ, позволѣемъ въ помощь волостн Чолховской, сѣбѣи слободѣ, давши волѣ на сѣмь лѣтъ людямъ на томъ мѣстѣи селитисѣ мѣстичимъ, а ѹчинимъ осадшимъ твоѣи слободѣи человекѣи изъ заграници зашлого Клима Ермолаевича, злецнѣвши емѣ кого знающн, примати, а обажовати людей еднакъ не тѣтешнихъ, але также зъ заграници зашлихъ. Вѣданчи тебѣи о томъ каждый такъ зъ старшинн полковой, яко тежъ особленѣи зъ околничихъ селъ въ томъ чолховскомъ грѣнчѣи найдѣючнхъ сѣи, лен имъ новоосѣи мѣстичимъ слобожанамъ, жадной перешкодн въ розробленн лѣтовъ грѣнтѣи и въ свободномъ ихъ поселенн ничто не важилсѣи чинити...”

Учитывая трудности восприятия тогдашней лексики и орфографии попробуем сделать вольный перевод: “...этим лично мною, Полковником, написанным позволением, на пустующих землях челховских, между реками Ирпоу, Ирпичею и Песочною, на площади в

одну милю разрешается для освоения данных пустующих челховских земель основать слободу и предоставить возможность всем желающим в течение семи лет на том месте селиться. Осадчим данной слободы назначаем человека, вернувшегося из-за границы Клима Ермолаевича (или Ермолаева), обязав его принимать на поселение людей не местных, а также из-за границы приходящих.

Распоряжение это должно быть доведено как до каждого полкового начальника, так, и причем в первую очередь, до жителей окрестных сел, расположенных на челховских землях, чтобы они, всем желающим поселиться в новой слободе, никаких препятствий не ставили при разработке ими земель и на права поселения не посягали...

Это “осадное” позволение подписано было, как уже упоминалось 25 июня (8 июля) 1708 года, где-то в таборе (войсковой казачьей стоянке, штабе войскового соединения) под Ратовым.

На новом месте Климовы люди начали обрабатывать землю, растить хлеб, пасти скот. Вскоре на узком, выделенном им пространстве, места стало не хватать. Начались конфликты с соседями — казаками.

В частности, челховцы уже в июле обратились в полк с несогласием об отводе своих земель поселению. Скоропадский жалобу рассмотрел, но решения своего не изменил. Уже 9 июля он написал следующее распоряжение: **“Вам, войту чолховскому, обществу и всех окрестных сел, вблизи новой слободы находящихся, обывателям, сообщаю, что узнав о том, что вы будучи не в состоянии сами освоить пустоши на ваших землях, тем не менее слобожанам, которые по моему позволению между речками Ирпою, Ирпицею и Песочной желают поселиться, чините препятствия, с земель изгнать стремитесь.**

Поскольку совершаете это вы против моей воли, тем самым поступаете противозаконно, приказываю вам, впредь в то место, где слобожанам позволено селиться, не заходить, на земли между поименованными речками не претендовать, а довольствоваться теми пашнями и лугами, которых немало около ваших сел находится, тем более, что у вас есть что и на сторону продавать, а им, слобожанам, и на свои нужды из-за вашей несговорчивости негде сена скоту накопить. Напоминаю также, что слобожанам в том месте, где селятся, согласно первого от нас данного письма, разных препятствий и посягательств на их права не устраивать...”

Письмом этим, приведенным в “Описании Старой Малороссии” Ал.

Лазаревского, полковник Скоропадский подтвердил разрешение на отвод новому поселению части пустующих земель Челховской волости.

В “Историко-статистическом описании Черниговской епархии”, изданном в 1861 году, есть интересные свидетельства того, как обживались и утверждались старообрядцы на новых землях. А происходило это не просто. Если сначала владельцы земель охотно позволяли беженцам селиться на их пустошах, с тем, чтобы они спустя льготные годы, работали на них как и другие подданные, то после шведской войны отношение поменялось.

По ходатайству Киевского генерал-губернатора князя Дмитрия Михайловича Голицина, “благорасположенного к читателям старины и не совсем благосклонного к малороссам” Петр I в 1715 году велел обложить слободы податью и считать их состоящими во владении Киевской губернской канцелярии. Не состоя более в зависимости от полкового начальства, раскольники скоро дали знать о себе казакам своеволиями разного рода. Поэтому полковые начальства не раз просили внешнее правительство избавить их от своевольных поселенцев.

В прошении 1718 года, поданном в коллегия иностранных дел, гетман просил: “раскольникам в Малой России не быть, так как они, быв положены в оклад, не несут тягостей полковой службы, а умножаясь в числе, “отнимают грунты и явно еретические сборы собирают”. На это отвечали справкою: раскольники, поселенные в 16 слободах 493 дворами и записанные за гетманом и другими владельцами, положены в оклад по 15-19 рублей в год, а более принимать их запрещено. (Кстати, огромные деньги по тому времени).

В одном из пунктов прошения, поданного Государю в апреле 1721 года, гетман снова просит вывести раскольников в другие места. О том же писал он еще в коллегия иностранных дел; причем сказано, что раскольники, живущие в слободах Митьковке и Климовой, бывших гетманских “преступив давние границы и переправив слова в универсале, отняли много земель у Донцев. Государь указал рассмотреть дело в сенате.

В одной из статей гетмана Апостола 1728 года снова предложена просьба о выводе раскольников, причем писано: раскольники делают разные пакости, покупают земли, а иные отнимают насилем, но жаловаться на них негде: беглые помещичьи крестьяне являются в Малороссию на житье, и тогда как стародубские раскольники вывозят их за границу на Ветку, с украинских помещиков взыскиваются подати за них. На это последовало решение: “...выслать раскольников черниговского и стародубского полков, записанных в подушной оклад, по многим при-

чинам нельзя; гетману отправят надежного офицера, который, если найдет не записанных в оклады, внесет таких в оклад; жалобы об обидах раскольников будет разбирать гетман с доверенным правительством”.

И однако, несмотря на такой напор, старообрядцы где уговорами, где деньгами умели добиться того, что оставлены были при особых своих привилегиях.

Такие жалобы по-видимому были небезосновательны. Старообрядцы как субэтнос находились в первичной стадии формирования. В слободах шло постоянное движение народа. Одни прибывали и оседали навсегда, другие, прожив какое-то время и не найдя себе достойного применения, уходили искать более подходящие им места. Накапливались и противоречия в подходе к вере. В условиях самоизоляции, в отрыве от священнических кадров каждое поселение начинало по-своему трактовать вопросы веры и далеко не все соглашались с этим, поэтому и уходили искать тех, кто был на их взгляд более правилен.

Сказывалось также и то, что в старообрядческие поселения прибывали и просто беглые крепостные крестьяне. Здесь их принимали, обогревали, переправляли дальше, туда куда рука правительства добраться еще не могла.

Среди тех, кто искал укрытия у старообрядцев, попадались и длинные смутьяны, лихие люди. Так в царствование Екатерины Великой в Климовой слободе появился беглый донской казак Емельян Пугачев. Несколько месяцев тайно скрывался он в Покровском монастыре, имел долгие беседы с настоятелем, обучался грамоте. Интересно бы знать, о чем были эти беседы и не там ли внушили ему идею сказаться убиенным и счастливо спасенным царем, защитником народным.

Из Климова он также тайно был переправлен в Польшу, вернувшись оттуда вместе с другими великороссами смог получить паспорт и с ним уже, благословленный игуменом, отбыл на Дон, где вскоре объявился под именем императора Петра III.

Пугачевский бунт весьма и весьма напугал правительство и то, что руку к нему, как и к ряду других более мелких народных волнений, приложили старообрядцы, было еще одной веской причиной беспокойства и особой нелюбви к ним властьпредержащих. Но и не считаться с ними уже нельзя было.

А движение народа через старообрядческие поселения продолжалось. Вот что, к примеру, можно узнать о гражданском быте слобожан

из ведомости войта Гладкого о слободе Климовой, составленной в 1767 году.

По ведомости в Климовой слободе было:

а) жилых домов 94, бездворных изб пустых, в которых ранее жили вышедшие в степные места на поселение и бежавшие (в Екатеринославскую, Белогородскую и Астраханскую губернии) 116 изб;

б) живущих в Климовой слободе мужского пола от 1 до 15 лет 289 человек, от 15 до 60 лет — 536, престарелых и увечных — 36, всего 861 душа мужского пола и 682 души женского пола;

в) в ведомости показано, кто, откуда и когда пришел в Климову.

По ведомости все они показаны беглецами, и, что стоит особого внимания, многие из государевых волостей и посадов. Спрашивается, что заставило их оставить родные места? Вера? Безусловно. Но было также и огромное желание получить свободу. Здесь этого достигнуть можно было.

Поэтому немудрено, что согласно ведомости в Климовой слободе на тот момент оказалось только 10 дворов, в которых люди жили с 1703 года, а все прочие явились туда после 1740 года.

Частый переход с места на место помогал также уйти и от уплаты казенных податей. Поэтому-то правительство вынуждено было так часто проводить в слободах переписи. Они проходили в 1715, 1728, 1758, 1761, 1767 годах. В конце концов правительство предписало не отпускать черниговских раскольников на поселение в другие места.

В свете вышесказанного, то есть по причине борьбы с беглецами, следует рассматривать и два разорения тогдашнего центра старообрядчества — слободы Ветки. Несмотря на то, что находилась Ветка на приграничных польских землях, туда была послана карательная экспедиция в 1736 году. Польские власти не препятствовали. Католики — они были глубоко равнодушны к убеждениям своих новых подданных. Более того, старообрядцы сильно мешали им в проведении политики окатоличивания местного населения. Этих-то заманить в унию было практически невозможно. А глядя на их твердость в вере и остальной православный люд укреплялся духом. Старообрядцев не изгоняли лишь только потому, что подати и польским панам нужны были.

Распоряжение о первой “выгонке” старообрядцев из Ветки было отдано императрицей Анной Иоанновной. Поселение было полностью разорено. Кого поймали вывезли для наказания в Россию, но большин-

ство слобожан разбежалось. Большая часть укрылась в Стародубских слободах. Отсюда и большой приток населения в Климовой слободе, отмеченный 1740 годом.

Вторая “выгонка” состоялась при императрице Екатерине II в 1763 году. Восстановившуюся было Ветку вновь разорили полностью и вновь часть беглецов приняла Климова слобода. Понимая, что еще раз восстановиться уже не удастся ветковские раскольники вывезли в Климову свою святыню Покровскую церковь. А вместе с ней в Климово переместился и центр всего юго-западного старообрядчества.

Покровский мужской монастырь, где была поставлена Ветковская церковь, стал главной монастырской обителью края. Поп Михайло Калмык в это же время основал в Климово Казанский женский монастырь. В слободу, ставшую вскоре посадом, потянулись единоверцы со всех краев. Время бесконечных переселений завершилось. Нужно было жить и обустраивать новые места.

Когда говорят, что старообрядцы — это люди, замкнувшиеся на себя, избегающие всего, что не касается вопросов веры, не желающие участвовать в жизни общества — это, конечно же, не так. Уже сам факт существования старообрядческого движения, сам факт острой дискуссии в обществе (кстати, не утихшей до сих пор), гонений и притеснений старообрядцев говорит о том, что они были на острие общественной жизни. Не они, а правящая элита, как церковная, так и светская, всеми силами стремилась отторгнуть общество от них. В дело шли и устрашение, и обман, и, наконец, замалчивание.

Да, они были не просты в общении, ибо жизнь приучила их к осторожности, им постоянно приходилось беспокоиться не только за себя, но и за тех, кто вступал с ними в контакт. Ведь, как уже говорилось, наказанию подвергались не только они сами, но и те, кто давал им приют, осмеливался помогать. А таких было немало. Но от общества они не отгораживались и заботы всех русских людей того времени, да и последующих времен, никогда не были для них сторонними.

Яркое подтверждение этому события русско-шведской войны. Путь части войск короля Карла XII пролегал непосредственно через наши земли и униженные, оскорбленные своими государями люди, не только не стали искать защиты у иноземного государя, но и оказали его войскам активное сопротивление. Конечно, оно не могло быть по-настоящему мощным, сил на это у них не было, да и люди были они невоин-

ственные. Но они могли вести разведку, передавали сведения о численности, дислокации и передвижении шведских войск, нападали на отставших, помогали казакам в стычках с врагом, укрывали фураж и продовольствие, то есть делали то, что через 100 с небольшим лет, в эпоху наполеоновских батальей получило название партизанской войны. Вещественным подтверждением этому служат многочисленные курганы-могильники, в частности, в лесу возле Митьковки, в которых упокоились иноземные воины...

Такое поведение старообрядцев для Петра I было очень важным. Ведь Стародубщина в русско-шведской войне оказалась если не в центре военно-стратегических и политических перепитий, то во всяком случае очень близко от него. Сюда на соединение с Карлом XII спешил корпус Левенгаупта, здесь, в местечке Семеновке, что в 40 верстах от Стародуба (ныне районный центр Черниговской области, граничащий со Стародубским и Климовским), гетман Украины Мазепа, изменивший Петру, соединился с войсками Карла. Успех в Полтавской битве зависел не только от мужества и выучки воинов, но и от того каков тыл, кого поддержат малороссияне, пойдут вслед за своим гетманом к иноземцу Карлу или останутся верны Петру, хотя и тоже не совсем своему. Поэтому пример местных старообрядцев, хорошо сжившихся с окрестным малороссийским населением, не мог не воодушевлять, не мог остаться незамеченным.

И он не остался незамеченным. В 1708 году царь Петр, узнав о мужестве беглых людей во время военных действий против Карла, в знак поощрения, хотя бы уже за то, что местные старообрядцы не стали в лихую годину “пятой колонной”, не пошли на сговор с врагом, разрешил им организовать свободный округ с главным управлением в Климовой слободе, то есть позволил окрестным старообрядцам выйти из непосредственного подчинения стародубскому полковнику, наделив одновременно землей и освободив на время от податей. Но только на время, и причем короткое.

То, что именно Климова слобода была выделена царем среди прочих, говорит как об авторитете и предприимчивости ее основателя, так и о том, что к этому времени она уже сформировалась в достаточно устойчивое поселение.

Не менее важным подтверждением того, что старообрядцы не отгородились от мирских проблем, от общественной жизни служит и факт

бурного развития старообрядческих поселений в последующем. Это хорошо прослеживается на примере поселений юго-запада нашей Брянщины. Старообрядцы пришли сюда не в абсолютно дикий край. Это ведь не Сибирь, не Север и даже не Урал. Здесь столетиями и довольно плотно жили люди. Гонимые и преследуемые, старообрядцы не могли здесь рассчитывать на что-то большее, чем пески, пустоши и неудобицы. Все лучшие земли давно уже были освоены и заняты. По логике вещей новоселы должны были быть обречены на нищенское прозябание без всякого будущего. Ан, нет! Люди предприимчивые, закаленные в баталиях с судьбой, они удачно использовали географическое расположение своих слобод, возникших на пересечении торговых путей. Не имея должной отдачи от земли, стали развивать ремесла, торговать, и за несколько коротких десятилетий прошли путь, который иным, в частности, и окрестным селениям, не удалось одолеть и за столетия.

Климова слобода очень скоро становится крупным торговым центром того времени. В 1781 году в слободе насчитывается уже 286 дворов. Среди жителей было немало искусных сапожников, белошвеек, портных, шапошников, хлебопеков, кузнецов, плотников, каменщиков. Скупая в соседних селах пеньку, конопляное семя, щетину, скот, кожи, климовцы тем самым давали толчок для развития и окрестных селений.

Вот что рассказывается о Климовой слободе в “Описи Новгород-северского наместничества за 1779 — 1781 годы”. И это ведь всего через каких-то 70 лет после основания, то есть тогда, когда вполне могли быть живы еще первопоселенцы.

— Слобода Климова, отличная от других таких же слобод ведением волостной конторы государевых описных в Малой России раскольничьих слобод. Положение имеет на ровном, песчаном (узложистом) месте, окруженном с трех сторон чистыми пахотными полями и изредка лесами, а с четвертой стороны, что от монастыря, небольшим лесом. Лежит она при речке, именуемой Ирпы, на правой стороне которой три плотины, при которых три мельницы — одна общественная, вторая — монастырская и третья, принадлежащая мещанину этой слободы Василию Наумову. Дороги столбовой здесь нет, только проселочная.

При слободе в небольшой роще монастырь девичий Казанский (**тот самый, который основал поп Михайло Калмык. Прим. авт.**). Монастырь окружен деревянным забором. Внутри часовня деревянная одна

и около 100 келий. Рядом вторая деревянная часовня приходская и церковь также деревянная.

Публичных строений в слободе — 3: казенный дом, в котором находится волостная (государевых) описных слобод контора о трех покоях и одна изба караульная; дом казенный же, в котором проживает управляющий раскольничьими слободами господин статский советник Новиков о семи покоях и третий казенный дом — ратуша* — место расположения выборного управляющего слободой бургомистра, о трех покоях.

Из частных строений выделяются дома купца Хрущова о 4-х покоях, купца Антипа Золотарева о 4-х покоях и купца Афанасия Евдокимова о 4-х покоях. Примечания достойно еще и то, что в слободе вообще все строения хорошо рубленые и покрыты дьором* и улицы расположены проспектом.

В слободе 1 статский советник Новиков, 1 бургомистр и 1 священник раскольничий. Купцов 96 душ мужского пола и 158 женского, мещан — 135 м. п. и 186 ж. п., бездворных — 12, наличествует также хлебопашествующих мужиков 55 м. п. и 70 ж. п., 19 бездворных.

Лавок в сей слободе — 31, в том числе с красным товаром* — 2, с дробязком* — 4, с железом — 1, с кожами (и ремению) — 3, со стеклянною посудой — 1, хлебных — 10, мясных — 4, сдающихся приезжим купцам — 5, пряничная — 1; мыльных заводов — 3, кожевенных — 3, постоянный веревочный — 1 и сезонных веревочных — 2.

Казенных шинков, в которых по откупу горячее вино и другие (медовые и пивные напитки) продаются — 5. Базарный день здесь бывает один раз в неделю по субботам, а ярмарок в год пять: 1 (13) сентября в день святого Семиона, 6 (19) декабря в день святого Николая, 30 января (12 февраля) в день Трех Святителей, 9 (22) мая в день святого Николая, 29 июня (12 июля) в день святых апостолов Петра и Павла.

На ярмарки съезжаются купцы из Стародуба с красным товаром и рыбою, из Кременчуга с солью, из Великокороссийских городов Суджи, Курска, Путивля, Орла, Севска (большей частью в зимнее время), из Малороссийских полков Нежинского, Переяславского и Прилуцкого с разного рода товаром, но прежде всего хлебом.

Для местных купцов и мещан главным товаром является конопляное масло, которое они делают сами и покупают привозимое из окрестных сел, и пенька, также покупаемая ими в окрестных деревнях и се-

лах. Масло купцы поставляют байдаками* по реке Днепр и сухим путем в Киев, Переяславль, Нежин, Лубны и Кременчуг, в Полтаву и Елизаветград, в Варшаву и Кенигсберг.

Мыло, изготавливаемое на местных заводах, продают прямо на заводах перекупщикам из Орла и Москвы. Пеньку распродают приезжающим из Гжатской пристани Смоленского наместничества, из Стародуба (в Стародуб и сами возят), поставляют в Ригу берковцев* от 200 до 500 и больше. Корабельные канаты и всякого рода веревки поставляют по подряду (и без оногo) в Киев, Кременчуг, Херсон и на Дон. Воск и мед как собственного производства, так и скупаемый в Белоруссии, Малороссии, Польше продают в городах Курске, Брянске, в Верее и других Великороссийских. Кожи в основном продают в Малороссийских городах. Капитал местных купцов составляет от 500 до 1 000 рублей годовых. **(Капитал по тем временам немалый. Прим. авт.)**. Многие на торг берут кредиты.

Лесом строевым и дровяным обыватели доволь-

**Покровский собор —
главный храм монастыря.**

мужской (раскольничий) монастырь, окруженный небольшим лесом и огороженный деревянным забором. В нем церковь деревянная 1, другая

Покровский монастырь. Теплая церковь

ствуются привозным из сел Рылович, Дубровки, Сачкович и других. Земли пахотной скудно, сенных же покосов вовсе нет. Покупают сено, привозимое из Ропской и Челховской волостей. Хлебом довольствуются также привозимым.

В трех верстах от Климовой находится Покровский

наподобие трапезной теплая часовня, при ней флигель, где проживает настоятель монастыря, устроена богадельня о 4 покоях, монашеские кельи, гостиный двор для приезжающих богомольцев. Стоит монастырь при речке Ирпе и небольшом притоке в нее впадающем, именуемом Придолжок. Близ монастыря плотина монастырская и мельница. Обывателей здесь никаких нет. Между монастырем и слободой на речке Ирпе хутор купца климовского, при нем плотина и мельница.

Предприимчивые старообрядцы превратили Климову слободу, а затем и посад Климов в крупный культурный центр. В Климовой слободе переписывали церковные книги, иллюстрировали их, изготавливали церковную утварь, писали иконы. В силу своей специфики оторванности от светского образования, оторванности от кадров священничества, старообрядцы вынуждены были организовывать семейные школы. Практически каждый мужчина в старообрядческой семье был грамотен, умел читать старославянские тексты, умел писать, в отдельных семьях обучались грамоте и женщины.

— Климова слобода, — как писал в середине XIX века, единоверческий священнослужитель Тимофей Верховский, — отличала себя от всех прочих слобожан просвещением... Климовцы, хотя и горды, но всех других слобожан обходительнее, в числе которых издавна явились благоразумные и просвещенные люди.

Интересный пример, рассказывающий о мастерстве климовских резчиков по дереву, относится ко времени сооружения в Чернигове Борисо-Глебского соборного храма. Преосвященный Филарет — архиепископ Черниговский и Нежинский заказал проект иконостаса для храма архитектору, академику Дмитрию Егоровичу Ефимову. Проект понравился, но в исполнении оказался настолько сложным, что десяткам мастеров, проверенных лично владыкой и его представителями, в контракте было отказано. Нужные мастера нашлись только в Климово. Просмотрев их работы, Филарет 29 февраля 1860 года написал о них в резолюции: “Мастера Егоровы, думаю, надежнее других для резной и позолотной работы. Потому пусть будет составлен с ними контракт”.

Купец III гильдии посада Климова Герасим Иванович и его сын Александр Герасимович Егоровы мастера резных и позолотных дел с честью справились со сложной задачей, устроили новый великолепный иконостас, которым многие годы восхищались как сами черниговцы, так и гости города.

Резные узоры мастеров-старообрядцев

улицы. На приусадебных землях выращивали не только хлеб, но и всевозможные овощи, вдоль домов сажали деревья, многие разводили сады.

Кстати, сады, пасеки, огороды были одним из источников существования климовцев наряду с торговлей, ремесленничеством и мелко-товарным производством. Так в Сборнике “Экономического состояния городских поселений Европейской России в 1861-62 гг.”, изданном в Санкт-Петербурге, о посаде Климов говорится следующее:

— Жителей в Климовом считается 5 430 душ обоего пола, в том числе дворян 11 муж., 13 жен., духовенства 29 муж., 6 жен., купцов 176 муж., 171 жен., мещан 2 276 муж., 2 481 жен.; государевых крестьян 73 муж., 85 жен., бессрочно отпускных и отставных нижних воинских чинов и их семейств 34 муж., 78 жен. **(Сравните как за неполных 80 лет вырос и возмужал посад. Прим. авт.)**

Из числа обывателей посада православных 77 муж., 96 жен., еди-новерцев 238 муж., 275 жен., раскольников беглополовцев 2 284 муж., 2 460 жен.

Все столярные и резные работы проводились под личным наблюдением академика Ефимова в Седневе Черниговского уезда. Позолота производилась в Чернигове в специально отведенном для этого помещении. За все столярные, резные и позолотные работы мастерам Егоровым уплачено 2 850 рублей, причем позолота произведена ими была собственным материалом золотом первого сорта из фабрики Артемия Старикова — тоже старообрядца.

Довольно высока была и бытовая культура старообрядцев. Они не курили, не предавались пьянству, дома в большинстве своем строили добротные, в чистоте содержали дворы и

В 1862 году был объявлен по 3-й гильдии 31 купеческий капитал. Иногородних купцов 2.

Местная торговля в посаде довольно значительна: предметы ее: красные, колониальные и москательные* товары, рыба, съестные припасы; отпускная торговля производится рогатым скотом, медом, щетиною. Скотом торгуют 2 купца, которые скупают его до 400 голов и, по выкормлении, доставляют в Санкт-Петербург; мед развозится для продажи в разные губернии, а щетина, по рассортировке ее на месте, сбывается в Санкт-Петербурге.

Лавок 42, ярмарок 5. На всех ярмарках в привозе бывает товаров на 200 тысяч рублей.

В Климовом существуют следующие фабричные и заводские заведения: 1 парусная фабрика (16 рабочих), производят на 3 700 рублей, 7 кожевенных заводов (27 рабочих), выделывают кожу на 15 800 рублей, 2 свечных, производят на 6 300 рублей. Материалы для фабричного и заводского производства покупаются на месте и, частью, у окрестных жителей; изделия продаются частью на месте и в городах Киеве, Полтаве, Чернигове, Риге, Ковно, Гомеле.

Хлебопашеством занимаются немногие жители посада, ибо земли там крайне скудные; огородничеством же и содержанием в аренде садов промышляет почти треть посадского на-

Климовский музей: предметы домашнего обихода старообрядцев.

селения; промысел этот, при благоприятных обстоятельствах, весьма выгоден, так например, баштан* в 15 десятин приносит до 2 тысяч рублей серебром дохода. Многие занимаются пчеловодством, 2 домохозяина имеют пасеки до 400 ульев.

(Кто были эти домохозяева не помечено, но в названиях окрестных урочищ до сих пор сохранились такие как Бабаева пасека, Бакрымов сад, Пенкин сад и другие. Прим. авт.)

Все это охотно перенимали жители окрестных сел и деревень. Поэтому, когда называли Климовский район жемчужиной Брянской области — это действительно было так. Еще в середине прошлого века в северных и восточных районах нашей области, где влияние старообрядцев не сказалось, можно было встретить целые села, где не то что яблони на усадьбе не увидишь, а даже липы или березки возле дома не встретишь. Стоит пустое село, от избы до избы прибиты на кольях жерди, чтобы скотина не могла потраву учинить, и все. Не редкостью были неоштукатуренные стены в избах, земляные полы. У нас даже в самых бедных селах такого не было. И заслуга в этом старообрядцев, к их уровню бытовой культуры подтягивались, перенимали лучшее жители окрестных деревень.

В период царствования Екатерины II Климов как и соседние слободы, получил статус посада, то есть торгового поселения, города, но заштатного* без своего герба. Зато с выборным самоуправлением и собственной ратушей, где размещался бургомистр и заседал попечительский Совет, состоящий из почётных граждан посада. Все коренные посадские люди вошли в мещанское сословие. Кстати, среди этого сословия, объединившего по всей России купечество, ремесленников, а в дальнейшем мелких, средних и крупных предпринимателей, старообрядцы выделялись как численностью, так и деловой хваткой, умением вести дела. Это и был тот средний класс, о рождении которого в современной России мы так много сейчас говорим и так медленно к нему движемся. Застройки посада подчиняются специальному плану. Начинают вырисовываться улицы и площади. Поначалу было три основных улицы: Чечера, Орловка и Голубовка. В 19 веке к ним прибавилась Новая улица. И просуществовали они вплоть до конца 50-х годов прошлого века, когда вновь началось бурное развитие поселка.

Планъ П. КЛИМОВА

Черниговской губ. Новооболбовского уезда
1910 г.

Жилые дома на улице имени Ленина (Орловка), кирпичный и деревянный рубленый, с полуподвалом, на высоком фундаменте. Конец XIX — начало XX вв.

появилась Новая улица — нынешние Октябрьская и Первомайская. Орловка получила прозвище по фамилии тогдашнего мастерового человека и купца Орлова, открывшего на улице первый магазин. С Голубовкой несколько иначе. Прямых исторических объяснений названия нет, но предположить можно. На мой взгляд, название улицы напрямую связано с основной ее исторической достопримечательностью — старинным и единственным до недавнего времени местом упокоения климовчан — кладбищем.

Как-то довелось мне побывать в Злынке на старом старообрядческом кладбище. В целостности и сохранности там древние — двухсотлетней и

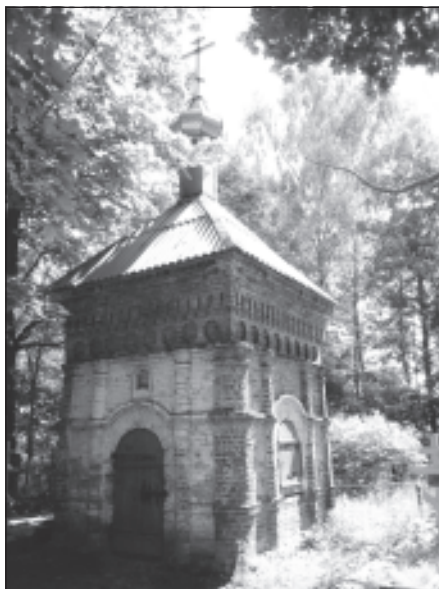
Если Орловка нынешние улицы Ленина и Полевая, и Старая улица — нынешние Садовая, Щорса и Калинина, обустроивались вдоль Ирпы, то Голубовка — нынешние улицы Советская и Московская — напрямую связана с кладбищем. Именно в обе стороны от него начала она застраиваться.

Если Старая улица повторяет в какой-то степени изгибы Ирпы, то Орловка и Голубовка — это прямые, хорошо спланированные улицы, что говорит о довольно высоком градостроительном вкусе наших предков и достаточной ответственности городских властей за развитие Климова. Кстати, Новая улица также спланирована четко и прямолинейно, хотя и возникла значительно позднее.

Безусловный интерес вызывает название наших улиц. Со Старой улицей в принципе понятно. Старой — бывшие Чечера и Зацепа стали тогда, когда

более давности захоронения, памятники и надгробья. На ряд таких надгробий из тесаного камня и кирпича обратил внимание. Оказывается, что исстари называют их злынковцы — голубцами. От слова голубь, голубчик. Помните, как причитали раньше над умершими: “На кого ты покинул нас, голубчик” и “Лежит, смирен, аки голубь!” А ведь очень похожие надгробья в изобилии были на старинных могилах и на нашем поселковом кладбище. Жаль только, что сейчас их осталось мало. Но хоть и мало осталось этих памятников-голубцов у нас, однако в названии улицы они, скорее всего, запечатлелись. Сравните: голубь — голубчик — голубец — Голубовка.

Очень надеюсь, что появятся у нас неравнодушные, любопытные люди, что бережно соберут они старинные названия наших улиц, переулков, рек, ручьев, горок и урочищ, фамилии старожиллов, наконец, и найдут им топонимическое и этномологическое объяснение. И это станет материалом хорошего научного труда и весьма любопытной книги. Вот, к примеру, что такое Чирячье, почему улица Пушкина звалась Кожелуповкой, почему горка в районе бывшего аэропорта зовется Тымайловкой, а горка, где райбольница Масленниковой, почему ближайший лес в сторону Воробьевки звался Крестьянским, а дальний за речкой Песочной — Русским, почему одно Урочище звалось Лиозны, а другие Колпачек, Певник, а что такое Чечера, Зацепа... Вопросы можно продолжать и продолжать.

**Часовня на старом
Климовском кладбище**

**Надмогильный памятник —
так называемый голубец**

Жаль, конечно, что нет у нас подробной истории нашего городка. Кроме имени основателя Клима Ермолаевича мы почти ничего не знаем ни о нем, ни о других первопоселенцах, не можем заглянуть на 300 лет назад, подробно рассказать о том, как они жили, о чем думали, мечтали, к чему стремились. Мало кто вел семейные хроники, а если и вел, то не сохранились они.

А сколько могли бы рассказать Мацокины, Смирновы, Буданковы, Ершовы, Лагутины, Поздняковы, Постоялкины, Ковалевы, Гридины, Крапивенцевы, Красовские, Сидоровы, Таракановы, Ближевские, Быховцевы, Нидрагайловы, Притковы, Веретехины, Калашниковы... А Богомазы, Шведовы, Поляковы, Исаевы, Прянишниковы, Шевцовы, Сквасниковы, Золотаревы... Эти фамилии в климовских хрониках упоминаются на протяжении двухсот и более лет. Однозначно, были среди них и первопоселенцы.

И как хотелось бы, чтобы мы — немногие потомки тех людей, смогли найти способ увековечить их память. Кстати, место захоронения Клима Ермолаевича еще в середине прошлого века было обозначено и почиталось. Говорят, у деревянного креста постоянно теплилась лампадка. Вот и возродить бы это место или какое-то другое выбрать и поставить там большой православный крест, к подножию которого благодарные потомки могли бы возложить цветы, затеплить свечку в светлый Христов праздник. Очень хотелось бы, чтобы наши поселковые власти, ощутили свои исторические корни, чтобы с благодарностью и гордостью поминали своих предшественников и также как и те все силы прилагали на благо народное. Да и не пристало нам быть Иванами, не помнящими родства, ибо народ, забывший свою историю, отринувший своих предков, перестает быть народом. Это — аксиома.

Очень жаль, конечно, что не можем мы проследить в подробностях историю становления экономики старообрядческих поселений. Не многое досталось нам в наследство. Кое-какие имена, случайно уцелевшие в архивных списках, кое-какая статистика, да редкие уже предания старожилов. А ведь из таких вот слобод и посадок вышло немало замечательных людей, стяжавших славу Отечеству, ставших опорой ему.

Из 220 000 человек, составлявших купеческую гильдию в Российской империи в конце XIX начале XX веков, процент старообрядцев был одним из самых высоких. А такие имена как Рябушинские, Мамонтовы, Морозовы навсегда вошли в анналы истории. Именно они и по-

добные им были тем локомотивом, который вытаскивал Россию в цивилизацию. И что характерно, сыновья, внуки тех, кто еще вчера пахал землю, не знал как распписаться, они, разбогатев, не только не стали примитивными стяжателями, а явили пример интеллигентности, пример того, как, имея многое, нужно и можно жить во благо общества. На деньги, заработанные своим умом и энергией, они строили школы, больницы, приюты, доступное жилье, содержали профессиональные училища, покровительствовали в университетах. Они создавали картинные галереи и оперные театры, помогали встать на ноги неимущим талантам, щедро оплачивали труд ученых и инженеров. Они знакомили с национальной культурой Европу и из Европы везли в Россию все, что могло помочь ей, возвеличить ее в цивилизованном мире.

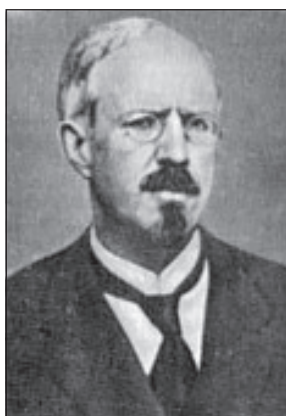
Они укрепляли экономику, военное могущество государства и еще строили храмы, ибо, каких бы высот не достигали в жизни, всегда помнили о ее временности, помнили о своих корнях, всегда оставались истинно православными людьми.

П. А. Бурышкин, блестящий знаток Москвы-купеческой, выделяет 28 торгово-промышленных семей, занимавших первые места “в Московской неписаной купеческой иерархии” начала XX века. Почти половина этих семей была и оставалась старообрядцами.

Давая характеристику семье Морозовых, П. А. Бурышкин ставит ее на самую вершину подлинно значимой купеческой иерархии и подчеркивает: “Диапазон культурной деятельности был чрезвычайно велик. Он захватывал и Русские ведомости, и философское московское общество, и художественный театр, и музей французской живописи, и клиники на Девичьем Поле. Морозовы были одной из немногих московских семей, где уже к началу XX века насчитывалось пять поколений одинаково активно принимавших участие и в промышленности, и в общественной деятельности”.

Савва Морозов

П. П. Рябушинский

Среди учреждений, созданных Морозовыми, институт лечения рака и психиатрические клиники Московского университета, детская больница, родильный дом, ремесленное училище, музей кустарных изделий, богадельня, кафедра текстильного дела и аналогичное производство при Техническом училище.

Не меньше можно рассказать о Солдатенковых, Хлудовых, Гучковых, Коноваловых, Рябушинских, о Я. И. Шишкине, С. Я. и П. Е. Трындиных, З. В. Ерохине, В. А. Дубинине, П. А. Степунине. Кстати, Степунин — один из богатейших купцов и промышленников России, являлся потомственным почетным гражданином посада Клинцы, где на свои деньги выстроил церковь и школу.

**Здание бывшего народного банка
в Климово. 1887 г.
Ныне — центр соцзащиты.**

**Церковно-приходская школа.
1904 г. Ныне — Климовский музей.**

В истории Новозыбкова и Климова заметный след оставила купеческая династия Шведовых. На свои деньги они возводили храмы, общественные здания, строили дороги, мосты, содержали лекарни и приюты.

Потенциал некоторых, в том числе и климовских купцов и промышленников позволял со временем выдвигаться в самые первые ряды. Но времени этого у них не оказалось. И только в памяти старожилов остались имена Шведовых, Лосевых, Нидрагайловых, Мацокиных, Исавых, да остались кое-какие старые здания, выстроенные ими как для собственных нужд, так и для общественных целей.

Увы, но мало кто уже помнит, что улица Маяковского называлась когда-то пе-

реулком Лосева, а улица Коммунистическая именовалась в честь купца и заводчика Шведова.

Дальновидные люди, климовские купцы сумели в свое время уговорить (а может быть и умаслить) чиновников Министерства путей сообщения и проложить именно через наш посад железную дорогу, хотя спроектирована она была на значительном удалении.

Купцы постарались, а вот мы сейчас сумеем ли сохранить их детище. Ведь из промежуточной станции наша стала уже тупиковой и дальнейшая судьба ее висит в воздухе.

Возвращаясь к теме, после небольшого отступления в историю самого Климова, следует сказать о том, как же сложилась дальнейшая судьба старообрядческого движения. Прежде всего, нужно отметить, что оно живо, живо несмотря на все превратности исторической судьбы, несмотря на все гонения как единоверцев, так и властьпредержащих. А живо потому, что именно за ними — за старообрядцами осталась историческая правда. И это очень ярко подтверждается в наши такие же сложные, такие же непростые дни. Снова, как и триста лет назад стоим мы перед выбором: куда идти дальше, какие духовные ценности назвать основополагающими. И снова та же дилемма смущает нас: где наше место в общемировом процессе — рука об руку с Западом или все-таки свой национальный, православный славянский путь. Мы не смогли однозначно решить это триста лет назад, сможем ли нынче? Запад прагматичен и суров, особенно к униженным и ослабленным, а мы вновь именно таковы. Запад расчетлив, там понимают, что рано или поздно мы вновь поднимемся с колен, но пока мы все же на коленях, смущения в наши души внести нужно как можно больше.

Именно этого и боялись больше всего вожди старообрядчества. Посмотрите, что происходит на Украине, страна фактически разделена на две части. И объясняется это не только географическим положением, историческими традициями, политическими пристрастиями, но еще и религиозными признаками. Многовековое влияние Запада, католической церкви дало свои плоды. Униатское направление претендует на главенство в государстве. Униаты захватывают православные храмы, шельмуют истинноверующих людей. Западное влияние, дух национализма сказались и на пастырях Украинской православной церкви. Там тоже произошел раскол. Часть иерархов осталась верной Московской патриархии, часть выделилась в самостоятельную автокефальную Украинс-

кую православную патриархию и добивается своего особого места среди поместных церквей. Как это похоже на то, чего добивался в свое время патриарх Никон. Ни тогда, ни сейчас к добру это привести не может. Как далеко вперед смотрели старообрядцы, как точны они были в своем предвидении.

Как же развивалось старообрядчество на протяжении трех с лишним веков после раскола? Увы, но в силу исторической обусловленности оно не стало единым течением. Уже в конце XVII века внутри старообрядчества началось разделение. Причина его в разобщенности старообрядческих общин, в острой нехватке пастырей. На острие гонений все старообрядческие епископы были уничтожены, священнослужители, ушедшие вместе со своей паствой, старели и умирали. Притока же свежих сил не было, ибо некому было учить священничество, некому было рукополагать в сан. Одни из старообрядцев решили, что священничества больше нет на земле, другие, что нужно принимать священников, решивших перейти в старообрядчество из господствующей православной церкви. Первые получили название беспоповцев, вторые беглопоповцев, поскольку они принимали “беглых”, уходящих из официальной церкви священников. Беглопоповское и беспоповское стали главными направлениями в старообрядчестве.

Старообрядцы беглопоповского направления, а именно к нему и относятся старообрядческие общины нашего края, получили название древлеправославных христиан. К сожалению, и среди них произошло разделение.

Но об этом чуть позже.

**Молельный дом старообрядцев
Преображенского (Федосеевского)
согласия. г. Злынка.**

Старообрядцы-беспоповцы, а это поморское, федосеевское, филипповское согласия, странники, спасовцы, перекрещенцы, дырники, диаконовцы, аароновцы и другие решили, что от последователей Никона нельзя принимать не только священство, но и крещение, другие церковные таинства. Службу у беспоповцев, церковные таинства совершают избранные миряне, так называемые наставники.

Между старообрядческой и официальной церковью в конце XVIII — начале XIX веков возникла особая переходная церковь, так называемая единоверческая. Служба там велась архиереями господствующей церкви, но по старым книгам и обрядам старообрядческим.

Возникло единоверие, кстати, не на пустом месте. И не правительством и св. Синодом разработано оно было, а самими старообрядцами, и не где-нибудь в богатых и крупных столичных общинах, а у нас в Стародубье. И климовцы в свою очередь приняли в нем определенное участие.

Напрямую возникновение единоверия связано с именем старообрядческого монаха Никодима. Одно время он был иноком Ветковского, а затем Климовского Покровского монастырей. Затем, стяжав славу умнейшего и образованнейшего человека, в высочайшей степени благочестивого, удалился в скит, где со временем возник новый монастырь, мужской Свято-Троицкий Успенский, получивший в дальнейшем прозвание Никодимов.

П. Н. Мельников-Печерский в своем замечательном романе “В лесах” характеризовал Никодима “как знаменитейшего по уму, начитанности и познаниям старообрядца”.

Так вот, Никодим, проанализировав ситуацию, сложившуюся в старообрядческих поселениях с “беглыми” священнослужителями, пришел к выводу, что лучше в дальнейшем она не станет, что в “бега” из официальной церкви уходят не самые достойные и образованные священники и это старообрядцам кроме худа ничего принести не может.

С другой стороны, коль можно принимать беглых, то почему не договориться с официальными. Ведь у Синода предостаточно резервных священников без приходов. Главное, чтобы не отступить от канон и догм старообрядческих.

У Никодима нашлись сторонники и прежде всего в Климовском Покровском монастыре. После двух лет тщательного изучения и обсуждения вопроса старообрядцы дали добро Никодиму на ходатайство в Синоде.

Иерархи господствующей Церкви идею Никодима восприняли благосклонно, выслушан и поддержан был он и императрицей Екатериной II. В итоге 11 марта 1784 года вышел указ императрицы о даровании старообрядцам священников и о дозволении им отправлять службу по старинным обрядам и канонам. Климовский Покровский монастырь

стал одним из первых, где было введено единоверие, причем свершилось сие добровольно. (Увы, но как показала дальнейшая история удар по престижу монастыря этим самым был нанесен ощутимый).

Почему подчеркнуто добровольно, да потому, что далеко не все старообрядцы последовали за Никодимом. Ведь, как уже говорилось, старообрядцы были убеждены в том, что в господствующую Церковь проник дух антихриста и принять ее служителей значит пойти на сговор с “врагом рода человеческого”, совершить тяжкий грех. Беглые же попы — это иное дело, ибо это раскаявшиеся люди, а раскаявшимся грех прощается.

Нужно было, по-видимому, время, долгие годы спокойного убеждения людей. Но, как это всегда на Руси бывает, мы хотим все проблемы разрешить одним махом. А коль не получается словом, всегда готовы понудить силой. И сколько ни наступаем на одни и те же грабли, сколько шишек не набиваем — все одно не в счет.

Ухватившись за Никодимову идею, священный Синод и правительство начали насильно загонять в единоверие старообрядцев, от тех же кто перешел, начали требовать разрушения приходских общин, сложившегося у старообрядцев церковного самоуправления, подчиняя всю духовную жизнь назначенному священнику. Естественно, это вызвало отторжение и в общем-то здравая идея Никодима оказалась сведенной на нет.

Старообрядцы стали искать другой выход из сложившейся ситуации с кадрами священнослужителей, тем более, что сама ситуация все более усугублялась.

Особенно обострилась она при Николае I, когда у несогласных переходить в единоверие вновь отбирали храмы, часовни, монастыри, изгоняли из скитов. Переход священников из официальной церкви в старообрядческую был строжайше запрещен. Такие методы, конечно же, не могли не вызывать сопротивления.

В Московской газете “Русский вестник” в нескольких номерах за апрель 1893 года под рубрикой “Из истории раскола” опубликован очерк, рассказывающий о пребывании императора Николая I у стародубских раскольников. В качестве материалов при составлении очерка использованы были воспоминания стародубских старообрядцев и записки, оставленные протоиереем Никольской единоверческой церкви в Санкт-Петербурге о Тимофеем Верховским, немало потрудившемся в свое время по делу насаждения единоверия в раскольничьих слободах и по-

садах Стародубья.

Кстати, сын о. Тимофея Иван Верховский также был единоверческим священником в Санкт-Петербурге, но под влиянием старообрядцев перешел в древлеправославие и, боясь гонений, убежал к ним за границу.

Привести очерк полностью сложновато, он довольно обширен, но для общего представления об эпохе и самой ситуации прочесть будет интересно. Поэтому введем его в наше повествование с определенными сокращениями.

— Весной 1845 года император Николай Павлович был в Киеве.

Отъезд государя из Киева в Петербург последовал в первой половине мая и маршрут направлялся через Чернигов, через некоторые из Стародубских раскольничьих слобод, в том числе и через посад Добрянку.

Само собой разумеется, что жители всех городов, посадов, сел и деревень на пути государя готовились встретить своего батюшку-царя по исконному обычаю с хлебом-солью, и понятно вместе с тем, что все эти населенные местности спешили принять ко времени проезда его величества самый праздничный вид.

В Добрянке, в этом громадном посаде Черниговской губернии, Городняцкого уезда, населенном в те годы исключительно раскольниками и преимущественно беглопоповцами, также было решено встретить государя как можно торжественнее и поднести его величеству хлеб-соль. И вот, когда добрянцам сделались известны и день, и час проезда государя через их местность, они усыпали главную посадскую улицу песком и цветами, оделись в праздничное лучшее платье и в числе более пяти с половиной тысяч человек мужчин, женщин и детей, собрались на площадь около станционного дома, где императорский поезд должен остановиться на три или на пять минут для перемены лошадей.

Тут же находилась и посадская депутация, члены ратуши, почтеннейшие из жителей, а во главе их всех был семидесятилетний, седой как лунь, старик Григорий Полянский. Этот старец не только у себя в Добрянке, но и в других раскольничьих слободах Стародубья пользовался большим уважением за свою испытанную верность старой вере, то есть

**Император
Николай I**

расколу, и за свой недюжинный ум. Потому-то добрянцы и решили, чтобы хлеб-соль государю были поднесены “дедушкой Григорием”.

И вот коляска государя, запряженная четверкой отборно-лихих лошадей остановилась на площади возле станционного дома. Местный исправник приблизился к невыходившему из экипажа государю с докладом, что жители посада, старообрядцы, спрашивают разрешения поднести его величеству хлеб-соль.

Государь быстро поднялся в экипаже, взглянул на добрянских депутатов, и старик Полянский, имевший на руках блюдо с хлебом-солью, сделал несколько шагов вперед.

— Это что такое? — был строгий вопрос императора, обращенный к престарелому раскольнику.

Тот поклонился и с заметным волнением и дрожью в голосе ответил так:

— Ваше императорское величество! Жители посада Добрянки, ваши верноподданные, осмеливаются встретить вас хлебом-солью и нижайше просят Ваше Величество осчастливить их принятием этого хлеба-соли.

Государь пристально посмотрел на старика и, возвысив голос, произнес:

— Не хочу я вашего хлеба-соли! Вы не верноподданные мои! Вы не ходите в церковь Богу молиться!

Такие слова монарха, ревнителя православия, заставили дрогнуть всех окружающих, а старик Полянский побледнел как полотно и едва не упал. Однако он собрался с духом и сказал:

— Всемилостивейший государь! Где же нам и молиться Господу-Богу, как не в церкви? Мы все ходим в церковь!

— Вздор! — были новые и строговнушительные слова государя. Вздор! Это не церковь! — Указал затем император на виднеющуюся из-за домов раскольничью часовню. — Это сборище вольницы. Попы ваши дезертиры, нарушившие клятвы, изменники своих обязанностей! Забыть их, не думать о них! Я вольничать вам не позволю! Я выстрою вам церковь и приду молиться Богу в ней! И когда вы войдете в нее и будете вместе со мной, тогда я и приму от вас хлеб-соль! Слышите ли? Вольничать я вам не позволю.

Говоря это, император возвышал свой могучий голос почти с каждым словом, и под конец такой вразумительной речи поднял свою правую руку и погрозился на раскольников.

Понятно, что раскольники были ошеломлены, когда государь уехал, они все бросились к своему исправнику:

— Что же нам теперь делать, — спрашивали они.

— Обдуматься надо хорошенько и исполнить царскую волю, ответил им тот. Более этого сказать ничего не могу.

Расходились добрянцы по домам, раздавленные тяжестью государева гнева, а старика Полянского, которому сделалось дурно, чуть-что пришлось не отнести.

На другой день в Добрянку приехал тогдашний Черниговский губернатор Павел Иванович Гессе. Он попытался успокоить добрянцев, посетил захворавшего старика Полянского, уговаривал успокоиться.

— Где уж тут успокоиться! — отвечал Полянский. — Я вот и заснуть не могу! Как только закроешь глаза, так вот, точно наяву, и видишь грозит тебе палец государя и грозит! Да и палец-то такой великий... Страшный! Где уж тут успокоиться... Где уж?..

Теперь надо сказать, что гнев императора на стародубских раскольников вообще, и на добрянских, в частности, был вызван ими же самими. Раскольничье Стародубье более всех других населенных расколниками местностей сопротивлялось правительственным и церковным мероприятиям против раскола, сопротивлялось открыто и упорно.

Успехи единоверия в среде стародубцев были более чем слабы, и весомейшим доказательством такого весьма огорчившего Государя обстоятельства являлся, между прочим, и тот действительно прискорбный факт, что в шестнадцати стародубских посадах с раскольничьим населением в семьдесят тысяч душ со времени учреждения единоверческих церквей, то есть еще с 1797 года, была устроена и освящена только одна таковая церковь.

И поэтому понятно, почему император Николай Павлович, проезжая Стародубьем, воспользовался первым представившимся случаем, чтобы повлиять на тамошних раскольников личным выражением перед ними своего гнева и неудовольствия.

По приезде Его Величества в Санкт-Петербург, тотчас же последовало распоряжение о приведении в исполнение Высочайшей воли относительно постройки в Добрянке единоверческой церкви. Решено было построить церковь деревянную с обязательным условием, чтобы к началу осени 1845 года она была освящена и имела при себе благонадежного священника.

Но дело без промедлений не обошлось и в продолжении двух месяцев, июня и июля, все работы ограничились лишь составлением плана постройки и заготовлением материала для нее. Между тем сделалось известным, что в конце августа Государь намеревается совершить путешествие в Чугуев и что на пути своем вновь посетит Стародубские слободы.

В последних числах июля Государь пожелал, чтобы к нему был представлен протоиерей С-Петербургской Никольской единоверческой церкви о. Тимофей Верховский. На аудиенции Николай Павлович расспросил о. Тимофея откуда он родом, давно ли священствует, а затем потребовал от него некоторых разъяснений относительно единоверцев?

Такие объяснения были даны, причем в конце своих слов о. протоиерей коснулся и того довольно затруднительного обстоятельства, что единоверцы никак не могут согласиться, чтобы за литургиями в их церквях во время “великого входа” поминалась Августейшая Фамилия по установленной от св. Синода форме.

— По их мнению, — объяснял о. Тимофей Государю, — такого поминовения не должно быть, ибо оно не указано в старинных патриарших служебниках.

— И без них за меня много молятся и есть кому за меня молиться! — возразил на это Государь. — Жаль, что из-за мелочей идет такой неприятный раздор! Народ-то, ведь, старообрядцы, хороший и исправный!

Затем Его Величество задумался и немного помедля добавил:

— Жаль, что духовные бросили их и не хотят заняться ими, как следует, по обязанности и по пастырскому долгу! А гражданское начальство находит свои выгоды в существовании раскола, тем более, что в среде раскольников находятся богачи, которые командуют ими как хотят и пользуются их слепым повиновением; чтобы действовать на раскол с пользой, должно неослабно и всеми возможными средствами действовать во главе невежественной толпы раскольников-богачей! А если между ними найдутся упорные, то против таких можно употребить и известные меры. Ведь большой зуб выдергивают же вон!

Далее государь, понизив свой голос, сказал о. Верховскому следующее:

— Я отправляю тебя в Добрянку! Там строится церковь, и ты должен присмотреть за ее устройством, чтобы раскольники не имели чем укорить меня за нее! Освятить ее к моему приезду! С Богом! До свидания в Добрянке.

В Добрянку о. Тимофей Верховский приехал 13 августа, и в это время “царская” церковь, можно сказать, своей постройкой только еще начиналась. Но зато работа кипела. Было приказано из С.-Петербурга не прерывать дела даже на ночь и работать в ночное время при свете смоляных и дегтярных бочек.

Громадная артель плотников и каменщиков была разделена на три смены. Архитектор с подрядчиком не оставляли места работы. Они говорили, что к 20-му августа церковь будет непременно готова, что все ее части по отдельности сработаны и что их остается только собрать.

Добрянские раскольники, конечно, дивились всему происходящему и ожидали, что скажет им присланный из самого С.-Петербурга Государем священник.

И о. Тимофей не замедлил обратиться к ним со словами увещания. Сначала он беседовал в ратуше с виднейшими и влиятельнейшими жителями посада, а затем говорил и с простецами. И исход его бесед был самый благоприятный.

— Мы не думаем противиться Богу в лице Его Помазанника! — говорило большинство добрянцев. — Мы согласны ходить в “царскую” церковь, лишь бы служили в ней по нашим старым книгам.

— Так оно и будет, — объяснял о. Тимофей. — Все старинные обряды церковной службы останутся без изменения.

А церковь между тем не строилась, а росла не по дням, а по часам. На пятый день после приезда о. Тимофея ее уже начали крыть и приступили к внутренней отделке. В этот же день доставили из С.-Петербурга “на курьерских” готовый иконостас вместе с иконами, 21 августа была доставлена ризница, а на другой день и колокола. К 23 августа “царская” церковь была готова, а на другой день о. протоиерей приступил к ее освящению.

На это церковное торжество раскольники собрались в великом множестве. Многие из них, имевших особую ревность к старому обряду, следили за чином церковного освящения и за всей службой по старопечатным служебникам и по старинным рукописным тетрадам. Никаких отступлений от старой веры они не заметили.

Вечером этого дня пришло сообщение, что Государь прибудет 29-го августа перед обедней. И само собой разумеется, что народ в Добрянке, узнав об этом взволновался еще более.

Стали готовить хлеб-соль для Государя и при этом произошел спор. Представители всех стародубских посадов хотели, чтобы хлеб-соль была поднесена от каждого посада в отдельности, добрянцы же противились тому и настаивали на своем праве, чтобы их представители поднесли хлеб-соль от всего Стародубья.

В конечном счете пришли к мнению, что блюдо с хлебом-солью должен держать представитель старейшего и влиятельнейшего из посадов, Климова, Петр Давыдов. Состоять же при нем депутатами были назначены Алексей Аксенов из посада Клинцов и Семен Кубанцев из уездного города Новозыбкова. Поддержал это решение и приехавший из Киева в Добрянку для встречи Государя генерал-губернатор князь Николай Андреевич Долгоруков.

Старика Григория Полянского уже не было: он умер в тот самый день, когда состоялось такое распределение.

Затем в чайнии, что Государь положит гнев на милость, в лучшем посадском доме купца Переплетчикова стали готовить для Его Величества обеденный стол...

В десятом часу утра 29-го августа с колокольни “царской” церкви в Добрянке раздался благовест к обедне. По этому звону народ узнал, что Государь уже недалеко и многотысячною толпою запрудил площадь около станционного дома, весь путь от этой площади до “царской” церкви.

На площади же около станции находились и киевский генерал-губернатор Н. А. Долгоруков, и черниговский губернатор Н. И. Гессе, и стародубская депутация с хлебом-солью.

В 11 часов утра коляска, в которой был Государь Император с Наследником Цесаревичем, остановилась у станционного дома.

— А что, князь, — были первые слова Государя, обращенные к Н. А. Долгорукову, — будут добрянцы ходить в мою церковь Богу молиться?

— Будут, Ваше Императорское Величество! — ответил киевский генерал-губернатор.

Со строгим, но спокойным выражением лица посмотрел Император и на народ, и на стоявшую с хлебом-солью депутацию и приказал ехать к церкви. Загудели колокола и при их торжественном звоне Государь, сопровождаемый одним только Цесаревичем, вступил на церковную паперть, где в полном облачении и с крестом в руке стоял о. Тимофей Верховский.

Государь и Наследник-Цесаревич стояли у правого клироса и настолько близко к народу, что народ, казалось, даже и стеснял их. Но лицо императора все еще дышало строгостью и просветлело лишь тогда, когда началась служба и раскольники, с этой минуты единоверцы, начали молиться.

По раздаче антидора и после “семипоклонного начала”, закончившего Богослужение, Государь подошел к о. протоиерею и сказал:

— Благослови меня, отец, “по-старинному”.

И единоверческий священник благословил Императора старинным двуперстным крестом и Государь поцеловал благословившую его руку. Затем Его Величество обратился к народу и, возвыся голос, спросил:

— Так-ли теперь священник служил, как и прежде вам служили? По старинному ли?

— Так точно, Ваше Величество! — отвечали все в один голос.

— Так вы довольны такой службой? — был новый вопрос Государя.

— Довольны, Ваше Величество, довольны, — снова отозвалась вся церковь.

Государь подумал немного и продолжил:

— А когда так, то знайте-же, что служба вот также будет исполняться у вас и всегда без всякой перемены! Я обещаю вам это и за себя, и за своего наследника! Но вольничать я вам не позволю. Беглых попов, что были у вас — забыть! Я пришлю вам священников хороших, и не пожалею для этого даже своего придворного! Который же священник не хорош будет, присылайте его ко мне! На место его я дам другого! Но вольничать, повторяю вам, не позволю! Слышите-ли?

Народ безмолствовал.

Затем Царь и Цесаревич вышли на паперть, где ожидали Государева выхода депутаты стародубских посадов и слобод с хлебом-солью.

— И вы сюда пришли, — обратился Государь к депутации. — Ну, давайте мне вашу хлеб-соль!

Последние слова были произнесены возвышенным голосом, и многотысячная толпа старообрядцев, окружавшая “царскую” церковь, слышала их явственно и раздалось радостное, долго несмолкавшее “ура”.

— А какой они бравый народ! — сказал тогда Государь князю Долгорукову, передавая ему блюдо с хлебом-солью, принятое от депутатов. — Я им каменную церковь построю!

В заключении остается сказать немного. Описанные добрянские события повели к тому, что единоверие в стародубских посадах и слободах начало было распространяться очень успешно. Но увы, этому помешало одно весьма прискорбное обстоятельство.

Безумная дерзость и колоссальные средства московских вожakov раскола добились того, что через два года после добрянских событий появилась за границей, в Австрии, самочинная раскольничья иерархия, белокриницкая. Нашла себе почву она и в Стародубье, и оно до сего времени двумя третями своего населения принадлежит к расколу...

Интересный исторический факт. Интересен он не только сам по себе, но еще и тем, что в рассказе этом еще раз подчеркивается насколько высок был авторитет Климова посада и его жителей среди окрестных старообрядческих поселений, да и на всей Черниговщине. Ведь то, что от всего Стародубья депутацию с хлебом-солью царю поручено было возглавить именно климовчанину Петру Давыдову говорит о многом.

А единоверческая церковь появилась и в Климово и даже значительно раньше чем в Добрянке. Одна из них Успенская деревянная, построенная старообрядцами в 1778 году в единоверие была обращена в 1789 году, вторая Казанская каменная, построенная также старообрядцами в 1810 году, обращена в единоверческую была в 1848 году, то есть вскоре после вышеописанных событий в Добрянке. К сожалению, ни одна из них не сохранилась. Благо, что на месте Свято-Никольского храма недавно воздвигнут новый, но это уже чисто православный храм господствующей церкви.

В заключительном резюме очерка о Добрянских событиях автор сетует на то, что единоверие не возобладало в стародубских старообрядческих поселениях и причиной тому стало появление нового течения в старообрядчестве белокриницкого. “Прискорбным обстоятельством”, как считал автор, мы с высоты времени это явление назвать не можем, хотя раскол, теперь уже в старообрядческих рядах, оно несомненно внесло.

Что же это за течение в старообрядчестве? В Большой российской энциклопедии, вышедшей в свет в 1903 году под редакцией С. Н. Южакова и профессора, будущего лидера кадетов П. Н. Милокова, говорится следующее:

— Белокриницкая или австрийская иерархия, образовалась в 40-х годах XIX века среди старообрядцев, поселившихся в Белой Кринице в Буковине.

С первых времен раскола, старообрядцы переселялись в Молдавию. Их было довольно много в г. Сучаве и его округе близ Галиции. В 1777 году часть Сучавского округа отошла к Австрии и вошла в состав Буковины. Заботясь об умножении населения, император Иосиф II приглашал всех молдавских липован (общее название раскольников за границей) к переселению в Австрию и в 1783 году дал им патент на свободное отправление религиозных обрядов.

Тогда старообрядцы явились в урочище Варницу и основали селения Белую Криницу и Климовцы. **(Не из наших ли мест были эти поселенцы? Во всяком случае созвучие Климов и Климовцы, Белый Колодец и Белая Криница наталкивают на эту мысль. Прим. авт.)**. В первом они тайно поставили небольшой монастырь.

В 1832 году после строгого указа императора Николая I, запрещавшего повсеместно принимать беглых попов, положение старообрядцев-поповщинцев стало крайне критическим, все источники священства иссякли, приходилось против воли обращаться в беспоповщину. Состоятельные представители старообрядческого течения не могли с этим примириться. Единоверие же по названным выше причинам далеко не всех устраивало.

В Москве, при Рогожском кладбище **(один из главных центров старообрядчества как в те времена так и ныне. Прим. авт.)** состоялся ряд совещаний, на которых решено было искать епископа **(т. е. устраивать собственную церковную иерархию, ибо только иерарх в ранге епископа имел право рукополагать мирян в священники. Прим. авт.)**.

Об этом решении было сообщено Санкт-Петербургской общине, главой которой был известный купец и промышленник, миллионер Сергей Громов.

Для столь трудного дела — искания епископа, Громов, тайно и осторожно, избрал инока Павла Васильева Великодворского, большого начетчика*, человека неукротимой энергии, с замечательным даром слова, пламенного фанатика в религиозных вопросах, и ко всему этому безупречно-строгой жизни. Павел взглянул на эту миссию, как на призвание свыше — спасти древлеправославную церковь.

С бессарабским иноком Геронтием он побывал в разных местах у русских границ и пришел к заключению, что наибольшей религиозной свободой пользуются липованы Буковины. Он явился в Белую Криницу и договорился с местными влиятельными старообрядцами, чтобы они выступили с ходатайством о разрешении привести из-за границы в Белокриницкий монастырь своего, не зависимого от других религий, епископа.

Павел составил устав монастыря с изложением догматов старообрядческой религии и прошение об епископе. Переведенный на немецкий язык устав послали во Львов, в губернское правление. Там, сообразуясь с отзывом православного епископа, отказали липованам. Павел перенес дело в Вену. Адвокат помог ему составить доклад на высочайшее имя. Павел добился личного приема у императора Фердинанда Австрийского, где и сумел получить благоприятный ответ.

Далее Павел отправился в славянские земли, Константинополь, затем далее на восток, куда его влекло желание убедиться в существовании трехпогружательного крещения и двуперстного крестного знамения.

Убедившись в этом отношении, Павел нашел в Константинополе среди многих безместных архиереев босно-сараевского митрополита Амвросия. Он сумел убедить Амвросия, что переходя к старообрядцам, тот не только не изменяет православию, но более того, оказывает высочайшую услугу церкви. Амвросий согласился.

Все средства на свои предприятия и на содержание митрополита Павел получил от московских и петербургских богачей, преимущественно от Громова.

В Белой Кринице Амвросию пришлось пройти обряд перемазывания по древнеправославным канонам. Затем он успел посвятить себе наместника епископа в лице местного дьяка Тимофеева, в монашестве Кирилла, и Антония представителя некрасовской общины, когда по требованию русского правительства, в котором Австрия нуждалась в 1847-48 годах, его удалили в Штирию, где в местном монастыре он и окончил свои дни.

Но дело было сделано, иерархия состоялась. Кирилл поставил себе в наместники-епископы Онуфрия из Ярославских крестьян, а затем архиереем в Россию Софрония, московского мещанина Стефана

Жирова. Оба последние возвели Кирилла в митрополиты, а Павел сумел убедить старейших иерархов Амвросия и Аркадия признать его в этом звании.

Софроний приступил к управлению церковью в Москве около 1850 года. В эту пору покровителями Белокриницкой иерархии стали после смерти Громова именитые московские старообрядцы, возглавлявшие общину при Рогожском кладбище, Рахмановы, Солдатенков и другие. Они тщательно и искусно оберегали епископа от агентов правительства, скрывали в разных местах, тайно ввозили в Москву. Положение непризнанных иерархов было очень опасно до самого воцарения императора Александра II, когда на них стали смотреть снисходительно.

Средний класс старообрядцев-поповщинцев, в противоположность более богатому, косо смотрел на новых иерархов и, называя их “поветрием с Запада”, оказывал сопротивление. Вместо Софрония вызвавшего ряд неудовольствий, из Белой Криницы был прислан епископ Антоний. Он оказался талантливым администратором. За 10 лет при нем было открыто 10 епархий, посвящено было 12 епископов и множество священников, почти на все старообрядческие поселения. Одной из таких епархий, охвативших Стародубье, стала Новозыбковская епархия.

Но внутри старообрядческого общества не было порядка и спокойствия. Миряне, издавна сами привыкшие вести свои церковные дела, и теперь, с появлением законной иерархии, неохотно отказывались от прежней власти. Из беспоповцев далеко не все приняли новых священников. Многие остались на прежних позициях.

На прежних позициях осталась и значительная часть беглопоповцев. Они не признали Амвросия, не признали новых иерархов, отказались принимать назначенных ими священников, продолжая, хоть и с большим риском, принимать священников, переходящих в древлеправославие из официальной православной церкви. Особенно проявилось это в Стародубских общинах.

В “Церковном вестнике” за 1898 год есть интересная заметка “Волнения среди раскольников Стародубья”.

— Миссионер Черниговской епархии, священник И. Рябухин, в докладной записке местному преосвященному о беседах с раскольниками в г. Новозыбкове и о присоединении из раскола 9 человек в Новозыбкове и нескольких в других посадах, прибавляет, что все это сильно

взволновало окружнических¹ вождей. Епископ Сильвестр и поп Ефимий Мельников (**представители Белокриницкой иерархии. Прим. авт.**) со своими детьми учениками Швецова и купцы-заправилы раскольнические принимают все возможные меры и давление к удержанию своих единоверцев в расколе. Каждый посад переполнен тетрадами, наполненными хулой на господствующую церковь и в особенности на единоверие; всюду от Мельниковых посылаются послания и увещевания крепиться в древнем благочестии и не падать духом в борьбе с никонианами. В особенности Мельниковы и Сильвестр стараются повлиять и привлечь на свою сторону беглопоповский мир. Сильвестр и Мельниковы посредством неоднократных поездок в разнообразные беглопоповские общины и производимых с беглопоповцами бесед, многих склонили к решению предпринять путешествие в Грецию для того, чтобы удостовериться в правильности крещения (трехпогрузательно) митрополита Амвросия и в том, что м. Амвросий до перехода в старообрядчество не был под запрещением (**то есть расстрижен, лишен сана. Прим. авт.**).

1 марта сам Мельников и сын его с 8 выборными от беглопоповских общин депутатами отправились в путешествие. Средств на это собрано было 3 000 рублей.

Такая затея окружников сильно встревожила все Стародубье раскольнического мира. Надо было ожидать от таких предприятий вождей раскола всевозможных неожиданностей, а именно, если беглопоповцы

¹ **Окружничество** (окружники) — одно из основных течений Белокриницкой иерархии на заре ее становления. Связано оно с именем первого наместника Белокриницкой митрополии в Москве епископа Онуфрия. Стремясь как можно шире распространить свое влияние на беглопоповщицкие общины он за своей подписью и ряда других духовных вождей издал знаменитое окружное послание. В нем заявлялось, что источник священства у старообрядцев заимствован от греческой церкви, что хотя и пишется имя Спасителя Иисус, но и иначе произносимое имя это Иисус, дерзать хулить немислимо; четвероконечный крест есть образ Креста Христова и противопоставлять его восьмиконечному также немислимо. Причиной же отпадения предков от русской церкви послание усматривало лишь в клятвах собора 1667 года и в их порицаниях на старые обряды. Этим самым “окружническое послание” признавало отличие старообрядчества от господствующего православия крайне незначительным, то есть поставило под сомнение всю вековую борьбу и устремления старообрядчества.

С этим согласились далеко не все и Белокриничная иерархия разделилась на “окружников” и “противоокружников”, что в свою очередь привело к потере значительно числа прихожан и усилению беглопоповщицких общин.

будут принимать целыми общинами австрийское лжесвященство, то последователи последнего сильно возомнят о себе и с упорством будут стоять в своем заблуждении, вследствие чего рост миссионерского дела будет очень затруднителен.

Не напрасно сокрушался И. Рябухин, Белокриницкое течение в древлеправославии на Стародубье, как и в целом по России получило очень значительное распространение. Белокриницкая церковь утвердилась повсеместно в том числе и на климовской земле. Особенно крупные приходы образовались в Новозыбкове, Клинцах, Злынке, Чуровичах. Однако в последующем они утратили свое значение. Основной причиной этого стала общегосударственная борьба против религии в советское время, а также приобретение священничества оставшимися беглоповцами в начале XX века.

Доктор исторических наук И. Поздеева — замечательный знаток и исследователь старообрядчества — особо выделяет небольшой, практически 10-летний период в истории старообрядческого движения с 1905 по 1917 годы, называя его по аналогии с “серебряным веком русской культуры” серебряным веком русского старообрядчества. И это действительно так. Получив по императорскому Указу от 17 апреля 1905 года “О свободе совести” и Указу Сената от 17 октября 1906 года “О порядке устройства общин” право свободного исповедания веры и “отправления религиозных обрядов по правилам их вероучения”, право создания религиозных общин и признания за ними юридических прав, право “с разрешения начальства” заводить церкви, молитвенные дома, школы, вести книги гражданского состояния и ряд других свобод, изложенных затем в “Положении о старообрядцах”, **“старообрядчество, как веками сжатая пружина, успело за короткое время относительной свободы осуществить неправдоподобно много, что и позволяет говорить о серебряном веке движения”**.

Основой, стержнем, на котором во все времена держалось старообрядчество, было общинное устройство как религиозной, так и общественной жизни старообрядцев. Наиболее сильным качеством этой общины, как подчеркивает И. Поздеева, было ощущение равноправия ее членов и их высокая активность. Старообрядчество опиралось на древнехристианскую соборность и доказывало свою преемственность от раннехристианской общины. Все священнослужители здесь были выборными, община же независимой и самостоятельной. Традиции древ-

нерусской приходской жизни тщательно сохранялись. Держалось это на двух принципах “исторически сложившихся “русских устоях жизни” и на верности “началам древнего русского благочестия”.

Практическая же сила общины основывалась на ее экономических возможностях и широко понимаемых культурных задачах. В № 11 журнала “Церковь” за 1916 год опубликована развернутая программа общинно-приходской жизни русского староверия. В ней, в частности, указывалось на необходимость крепить и развивать приходские общины, предусматривалось создание сети школ, библиотек, культурно-просветительских обществ, новых учебников, а также “полное и широкое” овладение “техникой современной жизни”.

Только по официальным данным на 1 января 1912 года в России насчитывалось общин, приемлющих Белокрыницкую (австрийскую) иерархию — 565, беспоповских всех согласий — 620. Не меньшее количество было и беглопоповских общин, не приемлющих австрийское согласие. За короткий шестилетний срок было зарегистрировано 630 храмов, 3 161 молитвенный дом, 1 196 духовных лиц, 98 школ и 7 библиотек, открытых старообрядческими общинами. В советах общин состояли, а нередко и возглавляли советы именитые люди — купцы, промышленники. Они щедро пополняли общинные кассы. Например, капитал известной московской общины при Рогожском кладбище в 1914 году составлял 2 487 881 рубль. Это были огромные средства, позволяющие вести большие дела.

Община содержала старообрядческий шестиклассный институт, пятиклассную практическую школу (118 учащихся) как базу института, школу крюкового пения, книгоиздательство, библиотеку и школу начетчиков. Для певцов общины и их семей был выстроен жилой дом.

В феврале 1906 года в Москве был созван съезд крестьян-старообрядцев. Он собрал 355 представителей 118 уездов 43 губерний. Старообрядческое крестьянское хозяйство перед революцией 1917 года было на 90 % крепким средним или достаточно зажиточным хозяйством. Безземельных хозяйств среди старообрядцев было всего 1,56 %, малоземельных (до 6 десятин*) 1,44 %. Ежегодное количество купленных старообрядцами земель превышало покупку земель нестарообрядческим населением в 12-17 раз.

Старообрядческое крестьянство, в силу целого ряда исторических причин, значительно смелее и быстрее вступало в новые торгово-про-

мышленные отношения XX века. На Белокриницком съезде 1911 года принимаются решения о необходимости десятикратного увеличения финансирования сельского хозяйства правительством, о максимальном распространении научно-технических и агрономических знаний и кооперировании крестьянских хозяйств. При той же Рогожской общине в Москве были организованы сельскохозяйственные курсы, учащихся которых избирали и содержали сами общины. Виднейшие специалисты-аграрники Москвы были привлечены для чтения лекций, тексты которых немедленно публиковались. Начало издаваться приложение к журналу “Церковь” — “Друг земли”.

Просвещение будущего поколения стало общинным долгом, который “лежит одинаково на всех, и на священниках, и на советах общин, и тем более на родителей”. Но на попытки получить хоть какую-то помощь от правительства на развитие образования старообрядцы наталкивались на жесткий отпор. Так попытка А. И. Морозова обратиться к Председателю Совета Министров с просьбой выделить для старообрядческих школ деньги из сумм, предназначенных для церковно-приходских школ, вызвала гневную отповедь:

— Руки прочь, гг. мануфактур-советники, — писал один из иерархов синодальной церкви, — довольно с вас и того, что дана вам свобода иметь свои школы, чтобы держать крепче своих детей в мраке ваших темных мудрований... а вы еще притязаете на церковные школы, чтобы урвать от них вашим горе-школам: не бывать этому!

Стереотип восприятия старообрядцев представителями господствующей бюрократии продолжал действовать, 10-12 миллионов своих подданных, прекрасно организованных, трудолюбивых, находившихся как правило на более высоком уровне достатка и образования, чем в среднем по России, империя по-прежнему отталкивала от себя. А ведь именно они были и могли стать опорой государства, но их вновь отвергали.

Ошибочность и несправедливость разговоров о “темноте” и “невежестве” старообрядцев доказывает статистика, согласно которой процент грамотных среди обследованных старообрядцев равнялся в 1908 году 36 процентам, а общий процент грамотного населения даже в Европейской России едва достигал 23 процентов. При этом в регионах традиционного расселения старообрядцев, этот процент был еще выше — 43% грамотных. В бюджете “среднестатистической” старообрядческой семьи были обязательны траты на книги. В 1908 году они составля-

ли 61 копейку на душу, тогда как в среднем по России не превышали 1,5 копейки.

Именно этот слой русских людей был той опорой, на которой мог бы успешно продолжаться начатый февралем 1917 года новый этап русской истории и который так последовательно был уничтожен в 20-30 годах.

Для дальнейшего развития образования старообрядческим общинам крайне не хватало лиц подготовленных для успешного учительства. Это привело к необходимости иметь собственные учительские заведения. В 1912 году был открыт первый богословско-учительский институт в Москве по инициативе старообрядческой общины при Рогожском кладбище. Через несколько лет встал вопрос о превращении его в академию или университет.

Не менее успешно развивалось школьное дело и в провинции. В 1914 году учительская семинария была открыта и у нас в Климово. К сожалению, просуществовала она не долго. В 1918 году пришлось ее закрыть. Но это уже иное время и иная история.

**Глава Русской
Старообрядческой Церкви
митрополит Корнилий**

— Исторический период, — как отмечала И. Поздеева, — опущенный на всесторонний расцвет русского староверия, оказался совсем кратким. Но, как представляется, он в высшей степени убедительно демонстрировал, насколько неопределимы творческие силы глубинной и глубокой традиции, если они не вступают в конфликт, а логично обогащают новые явления и формы. Опыт серебряного века в целом и старообрядчества в частности столь значительны, что и сегодня, в условиях типологически близких, может продемонстрировать и к чему стремиться, и чего опасаться. Нужно только этот опыт изучить.

Справедливости ради следует отметить, что наиболее активной, наиболее организованной силой в старообряд-

ческом движении в эти годы выступило Белокриницкое согласие. За 60 с небольшим лет своего, после приобретения священничества, нелегального, полулегального и, наконец, легального существования Белокриницкие общины выдвинулись в первые ряды в общем старообрядческом движении, значительно опередив, как беспоповские, так и не признавшие австрийского священничества родственные беглопоповские общины.

Пройдя вместе с другими религиозными объединениями через все испытания советского периода нашей российской истории, многое растеряв на этом не простом пути, Белокриницкое старообрядческое согласие все же сумело сохранить себя. Русская Старообрядческая Церковь наследница Белокриницкого согласия продолжает действовать. Центр ее находится в Москве в комплексе храмов при той же знаменитой общине Рогожского кладбища. Возглавляет ее митрополит Корнилий. У нас на Брянщине сохранились небольшие Белокриницкие приходы лишь в Злынке и Клинцах.

Для беглопоповцев, не вошедших в свое время в Белокриницкое согласие, а они составляли большинство в нашем крае, путь к собственной священнической иерархии оказался значительно более долгим. Только в 1923 году им удалось восстановить свой епископат. Связано это знаменательное событие с именем архиепископа Николая Позднева.

Архиепископ саратовский Никола, в миру Петр Алексеевич Позднев, родился в селе Слободка Астраханской губернии в семье простого псаломщика господствующей церкви в 1853 году. После гимназии закончил Казанскую духовную семинарию, а затем и духовную академию, преподавал латинский, греческий и татарский языки в Оренбургской духовной семинарии, занимался богословскими исследованиями, за что в 1886 году был удостоен звания магистра (доктора) богословия.

С 1887 года был смотрителем, а затем и ректором Пензенской духовной семинарии. В 1907 году получил назначение для священ-

**Архиепископ Никола —
первый глава
Древлеправославной
Церкви**

нослужения в Вознесенский храм города Саратова, в 1910 году стал настоятелем кафедрального собора Саратовской епархии св. Александра Невского.

В 1921 году принял монашеский постриг с имени Николы и был рукоположен в сан епископа, а в 1922 году возглавил Саратовскую кафедру и был возведен в сан архиепископа.

В разразившихся после Гражданской войны поисках Церковью своего места в новом государстве Никола Позднев примкнул к так называемому “обновленческому движению”¹, но очень быстро разобрался в ситуации и понял, что через “обновленчество” нельзя не только найти истину, но возможно ее окончательно потерять. Однако в той ситуации, которая охватила в начале 20-х годов иерархическую верхушку господствующей Церкви, достойного места для совестливого и истинноверующего человека он найти не смог. Господствующая Церковь все дальше отступала от канонических догматов, теряла авторитет у верующих, стремилась стать по сути прислужницей новой власти.

И только Древлеправославие с его вековыми традициями непокорности и самобытности продолжало удерживаться на своих исконных позициях. К нему и обратил свой взор архиепископ Никола.

¹ **Обновленчество** — попытка раскола Русской Православной Церкви и ликвидации патриаршества, проведенная группой иерархов господствующей православной церкви при негласной поддержке большевиков в 1922-1925 годах.

Новая российская власть в те годы, понимая, что запретными мерами в одиночку покончить с религиозными организациями не удастся, предприняла попытку разрушить церковь изнутри, руками самих священнослужителей.

После ареста патриарха Тихона, группа духовенства, поддержанная и направляемая властями, объявила его низложенным и образовала Высшее Церковное Управление, которое обязалось поддерживать и всячески помогать новой власти. Вместе с этим предложено было реформировать целый ряд важнейших канонов, обрядов и догм, как устаревших и противоречащих новому времени. Чтобы привлечь на свою сторону священников им разрешалось даже второбрачие, епископам — женитьба.

Обновленцы назвали себя свободной, Живой Церковью в “свободном государстве”. Идея эта на какое-то время привлекла к себе немалое число духовенства, но у прихожан должного сочувствия не вызвала. (Все как и 300 лет назад при патриархе Никоне).

После освобождения из-под ареста патриарха Тихона и осуждения им этого движения абсолютное большинство духовенства отошло от обновленцев и движение постепенно угаšlo.

Саратовская губерния со времен Екатерины II была местом, густо заселенным древлеправославными христианами. В самом Саратове в те времена действовал древлеправославный храм во имя Великомученика Димитрия Солунского. После переговоров лета-осени 1923 года Архиепископа Николы с настоятелем храма о. Николой Тихомировым, владыко решился на переход в Древлеправославную Церковь. Это событие совершилось 4 ноября 1923 года.

Этот день считается датой восстановления Епископства в последней ветви беглопоповского согласия и одним из самых знаменательных событий в истории Древлеправославной Церкви.

В мае 1924 года в Москве был созван Всероссийский Собор Древлеправославной Церкви, на котором и была утверждена кандидатура владыки Николы как главы Церкви и обоснована вся каноничность его приема в сущем сане. На Соборе также был утвержден высший духовный орган Древлеправославной Церкви Главный Церковный Совет, заменивший собой ранее действовавший Совет Братства.

Становление Русской Древлеправославной Церкви происходило в непростых условиях. В конце 20-х в 30-х годах большевики развернули против церкви и священнослужителей настоящий крестовый поход. Повсеместно закрывались храмы, священники по малейшему подозрению в нелояльности к власти, а зачастую и без всяких подозрений, арестовывались, ссылались в лагеря, а то и просто без суда и следствия расстреливались. И здесь уже власть не разбиралась кто и к какой конфессии принадлежит. Веришь в Бога, несешь людям слово Божье — значит враг народа. Так до сих пор никто не знает где и когда был похоронен Архиепископ Стефаний, сменивший в 1934 году на посту главы Русской Древлеправославной Церкви почившего Архиепископа Николу. В 1937 году он был репрессирован и навсегда исчез в застенках Лубянки.

Древлеправославным христианам вновь пришлось переходить на полулегальное положение. Даже Архиепископию пришлось вывести из Москвы, чтобы не раздражать власти. И вновь высочайшую степень духовности показали старообрядцы бывшего Стародубья, теперь уже юго-запада Брянской области. В городе Новозыбкове обосновался центр Русской Древлеправославной Церкви Архиепископия Новозыбковская, Московская и всяя Руси. Там при Спасо-Преображенском кафедральном соборе разместилась резиденция Первосвященника Церкви, а вскоре

Патриарх Александр

**Покровский собор в Москве
— центр Русской
Древлеправославной Церкви**

было открыто и Высшее Древлеправославное духовное училище, готовящее кадры священников для Древлеправославных храмов по всей России, свое книжное издательство.

В 2002 году в жизни Русской Древлеправославной Церкви свершилось величайшее событие — она вновь украсилась Патриаршим престолом. На Соборе, состоявшемся 3 марта 2002 года, был зачитан доклад о восстановлении Патриаршества и волею всех высших священнослужителей участников Освященного Собора Древлеправославным Патриархом Московским и всея Руси был поставлен Архиепископ Московский Александр. Патриархия разместилась в столице, как то и подобает ей. Новозыбков, к вящей славе нашего края, по-прежнему остается важнейшим духовным центром древлеправославия.

В 1971 году Русская Православная церковь на своем поместном Соборе признала раскол трехвековой давности ошибочным. Однако извинений не последовало. Старообрядцы восприняли решение Собора как должное, но в общем-то равнодушно. Не они ведь были виновниками раскола среди верующих.

Из пяти бывших когда-то храмов в Климово осталась единственная старообрядческая церковь Древлеправославный Свято-Димит-

риевский храм. Построена церковь была в 1872 году. Это на сегодня, пожалуй, самое древнее здание в поселке. Выглядела она в свое время, конечно, иначе. Но пожар, случившийся в начале прошлого века, уничтожил купол и колокольню. Храм отстроили по временной схеме, восстановить же в прежнем виде не успели.

Впрочем, может быть именно по этой причине храм и сохранился. Ведь все остальные, куда более великолепные пошли под слом.

Климовских древлеправославных христиан возглавляет настоятель Свято-Димитриевского храма священник отец Сергей — Сергей Владимирович Ткачев, заменивший на этом многотрудном посту своего отца Владимира Ткачева протоиерия, секретаря совета епископов. Храм действует, и по праздникам собираются там климовчане, оставшиеся верными древлеправославию. И как и 1000 лет назад, горят свечи, взирают на прихожан печальные и кроткие лики святых, и как и 1000 лет назад раздается среди всеобщей тишины ликующий голос священника: “Христос Воскресе!”, и как и 1000 лет назад, прямо из сердец людских вырывается ответное: “Воистину Воскресе!”...

Восстановлен в 90-е годы прошлого века и старообрядческий храм в селе Чуровичи. Много сил и трудов положил на это настоящий подвижник, местный уроженец, епископ Московский Флавиан, ныне уже почивший.

В стадии реставрации храм в селе Елионка Стародубского района, восстанавливаются церкви в городе Злынке, действует в Злынковском районе и древлеправославный монастырь.

Отлученные и обманутые люди вновь возвращаются к своим корням. История старообрядчества продолжается!

**Климовская церковь во имя
великомученика
Димитрия Солунского.**

Климовский Покровский Монастырь

Климовский общежительный мужской Покрова пресвятой Богородицы монастырь — особая страница не только в истории Климово, но и всего старообрядческого движения. Прежде всего это был первый старообрядческий монастырь в России. И первый не только по счету, но и очень долгое время по содержанию.

Еще указом царевны Софьи старообрядцам запрещено было не только строить свои церкви и открывать монастыри, но даже скиты и те подлежали выгонке и разорению. В соседней Польше, куда ушла значительная часть староверов, таких притеснений не было. Старообрядцы и церкви строили, и в монастырских стенах находили утешение. Пример тому, знаменитая в первой половине XVIII века слобода Ветка. В тамошние церкви не только местные единоверцы ходили, но и раскольники со всего Стародубья, из Москвы, Урала, Дона, Поморья и так далее стремились, приезжали и приходили, чтобы получить причастие, обвенчаться, отпеть умерших, окрестить родившихся.

В условиях тяжких гонений, острой нехватки священнослужителей, культовых зданий непосредственно в российском государстве, заграничная Ветка сделалась воистину центром благочестия для всех гонимых и преследуемых. Туда тянулся люд со всей России. И это-то в каких-то нескольких десятках километров от российской границы.

Такое стерпеть трудно было. И не стерпели. Мы упоминали уже о двух Ветковских “выгонках” при Анне Иоанновне и Екатерине II. Ветку разорили. После второй выгонки вновь подняться ей уже не позволили.

Спасаясь от насилия, ветковцы уходили в Стародубские слободы и прежде всего в Климову, Зыбкую, Злынку. В Климову была перенесена и главная Ветковская святыня деревянный храм Покрова Пресвятой Богородицы. Само перенесение храма уже можно было назвать своего рода чудом. Руководил второй Ветковской “выгонкой” генерал Маслов. Расправлялся с непокорными староверами он весьма жестоко, но на перевозку церкви почему-то легко согласился, хотя наверняка знал о запрещении раскольникам строить свои храмы в русском государстве.

А главным инициатором мысли о перенесении церкви из Ветки в Климову слободу стал климовский бургомистр, успешный купец Хру-

щов. Это он убедил слобожан обратиться с челобитной к генералу Маслову о перенесении Ветковской церкви в Стародубье. Сам же стал и главным распорядителем по перевозке и устроении этой церкви в Климовой

Насколько дорога была эта церковь для старообрядческого мира говорит тот факт, что перевозить стали церковь сухим путем. Дело в том, что еще в 1735 году была предпринята попытка доставить в Россию первый вариант храма. Тогда избрали водный путь по Ипути до Свяцкой, как более дешевый, но в разыгравшейся непогоде плоты потонули и довести так ничего и не удалось. По свидетельству современников перевозка сухим путем стоила так дорого, что на израсходованные деньги легко можно было построить две новых, еще более лучших церкви. Но старообрядцы пошли на все, чтобы сохранить свою святыню.

Бесспорно, был тут и вполне понятный расчет: они понимали, что вместе с церковью в Климову перейдет и то значение, которое имела эта церковь в Ветке, а вместе с этим и слава Ветковская воссияет над Стародубьем. Стремление духовно возвысить свою отчину перекрывало все расчеты. И это было в лучших традициях древнерусского благочестия, когда каждый город, каждый край старался обрести свою святыню.

23 апреля 1765 года было освящено место для церкви в лесу у реки между слободами Климовой и Митьковкой, а 12 декабря того же года, полностью устроенная церковь, была торжественно освящена при участии 7 попов и 1 диакона. На освящении присутствовали как местные слобожане, так и зарубежные староверы, жившие поблизости от Стародубья.

Последствием этого торжества стало то, что слух о единственной старообрядческой святыне, существовавшей прежде за границей, а теперь в Стародубье, распространился по всему русскому государству. Климова слобода, как и предвидел то ее бурмистр, возвысилась в старообрядческом мире до невиданных высот.

“Новым Иерусалимом”, “столицей староверства” стали именовать ее современники-летописцы. Знамя благочестия, поруганное в Ветке, воссияло в Климовой слободе. Теперь сюда уже потянулись паломники-староверы со всех краев государства российского. Потекли сюда и серьезные денежные вливания. Старообрядческая “милостыня” обильным потоком полилась в Климову от раскольников Дона, Урала, Моск-

вы, Сибири, Поволжья, Северного Поморья и других мест внутренней России, где действовало беглопоповское согласие.

Однако климовский купец и волостной бурмистр Алексей Васильевич Хрушов смотрел еще дальше. В это время, особенно после разорения Ветки, в Стародубских слободах появилось немалое количество чернецов и черниц. Монахи и монахини, лишившиеся крова над головой, неприкаянно переходили из слободы в слободу, не находя для себя ни пристанища, ни должного места для исполнения своих обетов. Объявился сначала в слободе Зыбкой, а затем в Климовой черный (т. е. монашествующий) поп Михайло Калмык, до того служивший в Ветковском Покровском монастыре.

О Михайле Калмыке стоит сказать особо. В истории Климова и общей истории раскола он сыграл весьма и весьма заметную роль. Тысячи духовных чад имел этот знаменитый пастырь по всей России. Калмыковцами называли они себя.

Родом он, как повествует в своем исследовании истории раскола в Ветке и на Стародубье известный историк XIX века М. И. Лилеев, из Астраханской губернии, в миру звался Матвеем Васильевым. Был священником Николаевской церкви Преображенского монастыря на Учуге. После смерти жены взят был в Астраханский Преображенский монастырь священником.

В 1752 году самовольно ушел из монастыря и вскоре объявился в Польской области, в населенной великороссийскими людьми слободе Ветке, где по желанию его был принят в местный раскольничий монастырь, пострижен в монашество и наречен Михаилом.

В Ветковском Покровском монастыре Калмык жил до 1763 года. После выхода царского указа, разрешившего великороссам возвращаться из-за границы и селиться в указанных им местах, возвратился в пределы России. Поначалу обосновался в слободе Зыбкой, где и был описан и положен в оклад, затем перешел в Климову слободу, где вместе с бурмистром А. В. Хрушовым стал устройтелем сразу двух климовских монастырей.

Во время второй Ветковской выгонки 1764 года он отсутствовал на месте, так как по его собственному письменному свидетельству находился “близ моря-окияна, и по требованию города Архангельского, куда был призван для исправления тамошних духовных потреб”. С Архангельскими старообрядцами Калмык не прерывал сношений и потом,

когда он “дивный в жизни и предивный в учении” после вторичного падения Ветки и возвышения Стародубья обосновался в Климовой.

Два этих человека: климовский бурмистр А. В. Хрущов и иеромонах Михайло Калмык сошлись не случайно. Алексей Васильевич Хрущов пользовался большим почетом и уважением среди слобожан. Огромное влияние на них имел и Михаил Калмык. По свидетельству современников, жизнью своей, отрешенностью от всего мирского, он являл пример истинного благочестия, а красноречием своим умилял и восхищал паству. Именно этим людям главным образом обязаны как в целом Стародубье так и Климова слобода в частности своим возвышением в раскольничьем мире, благодаря им слобода на некоторое время получила значение всероссийского старообрядческого центра.

Михайло Калмык знал как устроить обитель, А. В. Хрущов взялся за непростое дело получить разрешение на монастырь. В 1764 году от имени Климовской волостной конторы он направил в Киевскую губернскую канцелярию, в ведении которой находились все Черниговские раскольничьи поселения, представление, в котором писал, что все, вышедшие из-за рубежа в описные раскольничьи слободы, “чернецы и черницы, за неимением в тех слободах монастырей и скитов, живут по слободам между мирскими людьми, и что некоторые из них желают для общего жительства своего построить при слободах кельи...” Волостной конторе, или вероятней умному ее руководителю хотелось поставить в Стародубье раскольничьи монастыри и скиты в такое же положение, в каком они находились за польским рубежом. Согревала душу и мысль, что церковь-то позволили перевезти из Ветки и поставить, так может быть и монастырь удастся устроить.

Губернская канцелярия, указом от 31 марта 1764 года предписала Волостной конторе: чернецов и черниц, вышедших из-за рубежа, поселить в слободах и положить их в оклад (т. е. взять на учет и обложить налогом), и донесла об этом Сенату, прописав полностью в своем донесении и представление Волостной конторы. Увы, Сенат не обратил на него внимания.

В 1767 году А. В. Хрущов от имени Волостной конторы описных старообрядческих слобод в Малороссии снова поднял тот же вопрос, воспользовавшись следующим поводом. 18 февраля 1767 года императрица высочайше повелела оберпрокурору Мелиссино объявить св. Синоду “чтобы обретающихся в Калуге в магистратском ведении расколь-

ничьих монахов и монахинь отослать в состоящие в Малороссии раскольничьи слободы с тем, чтобы они там без надлежащего пропитания оставлены не были”. 12 таких монахов и монахинь прибыли в Климову.

Волостная контора при этом случае напомнила Губернской канцелярии, о том, что необходимо организовать для старообрядческих монашествующих подобающие институты и, что присланные из Калуги “не имея того, чтобы определенно где построить им кельи и житьельствовать, и оттолечь некоторые при них волочатся (бродят) по разным местам, переходя из слободы в слободу”.

Вместе с тем, Волостная контора указывала и на то, что и другие монахи и монахини, в недавнем времени вышедшие из Польши, и определенные в раскольничьи слободы, волочась по слободам, неведомо куда отлучились и неведомо где находятся, и что при этом “могут быть немалые непорядки и опасности: дабы под таким видом и незаписанные какие волочащие монахи и монахини, выходя тайно из-за границы, или пришед отколь, укрываться не могли”.

“А если бы, — заключала свою мысль Волостная контора, — учреждены были такие места, чтобы житьельствовать им в одних местах по несколько человек единокупно и из них же выбрать начальствующих, которые над ними смотрели, а в случае и ответствовать за них имели, то все оные непорядки пресечены быть могли”.

Однако далеко не все слободские раскольнические монахи желали жить “по несколько человек единокупно и под известным начальством”, многие из них упрямылись и хотели жить по своим “волям”, как свидетельствовали слободские власти в своем представлении Киевской губернской канцелярии 7 марта 1768 года. Волостная контора вновь просила губернскую канцелярию: “монашествующих повелеть для житьельства собрать в одно место, а именно чернецам построить кельи при вывезенной из-за границы и построенной близ слободы Климовой церкви, при коей уже несколько оных чернецов и житьельствует”. Также и черницам “отвести место при самой слободе Климовой, где впадает речка Ирпица в речку Ирпу, которое место заспособно им пребывать. Волостная контора признает и от оной Церкви иметь будет версты через три разстояние, как черницам от мужского монастыря и жити приличествует...”

Представление это было подписано управителем раскольничьих слобод Григорием Титовым и бурмистром А. В. Хрущовым. На этом

Губернская канцелярия, орденом от 22 апреля того же года, самостоятельно и радикально разрешила вопрос: “о содержании оных чернецов и черниц и о жительстве их поступать по их обрядам”. Так получил легальное право на существование Покровский Климовский мужской монастырь, устроенный “при вывезенной из-за границы и построенной близ слобод Климовой и Митьковки церкви”.

Первыми насельниками монастыря стали Михайло Калмык, Сергей, бывший посадский человек из Кашино, иноки Акинф и Тихон. Первая келья была устроена с особыми теплыми сенями, для службы в ней в зимнее время, летом же и в праздничные дни служба велась в церкви, куда сходились многие сотни окрестных старообрядцев. Для приезжих богомольцев издалека со временем выстроена была гостевая келья, а далее и целый гостиный двор. Обильным потоком полилась теперь старообрядческая “милостыня” в Покровский монастырь. С каждым годом становился он все краше и краше.

Михайло Калмык устроил монастырь на старинных принципах нестяжательства. Устав отличался особой строгостью, житие иноков можно было назвать истинно подвижническим, аскетичным, чем и привлекало оно к себе искателей иноческих подвигов и приобретало великое уважение со стороны мирян.

Бывали, конечно, и уклонения от строгого образа жизни, но крайне редко, и каждый раз как скоро кто-нибудь из братии бывал замечен в уклонении от обительских правил, его “смирjali нещадно”. Если не внимал он увещаниям настоятеля и братского собора, ставили его на поклоны, если и это не действовало, сажали на цепь в подполье или на поварне, если и на цепи инок не исправлялся — с посрамлением изгоняли его из монастыря и запрещали даже, под страхом немилосердных побоев, подходить близко к монастырской ограде.

Устроив мужской монастырь, Михайло Калмык, при помощи все того же бурмистра Хрущова, взялся за женский и вскоре на окраине Климовой слободы (**территория бывшего завода “Реле”. Прим. авт.**) появился Казанский девичий монастырь, в котором сам Калмык многие годы вел службу, читал проповеди, в которых достиг такого совершенства, что послушать его съезжались богомольцы со всей России.

Это были первые раскольничьи обители в Российском государстве. В XIX веке деревянная Покровская (Ветковская) церковь пришла в ветхость и на месте ее была выстроена кирпичная теплая церковь, а затем

и кирпичный собор, до сих пор поражающий воображение своими размерами и благолепием.

Центром старообрядческого благочестия всей Руси Покровский монастырь был до принятия в нем единоверия. После этого значение его стало умиляться. Но тем не менее тысячи богомольцев по-прежнему собирались у его стен ежегодно. Люди шли не только помолиться, но и поучиться мудрости у знаменитых монастырских старцев.

Увы, но после революции судьба Покровского монастыря, как и судьба многих сотен подобных обителей, оказалась печальной. Монахи были изгнаны, расхищена ценнейшая монастырская библиотека, в храмах разрушены иконостасы, сбиты настенные росписи.

В 20-х годах там разместились колония для беспризорников, в 30-х годах детский дом, в 50-х годах территорию отдели Митьковской МТС и в главном храме устроили ремонтную мастерскую. Затем МТС ушла и здания остались вообще бесхозными. Теплую церковь сейчас используют под клуб школы-интерната, здание главного храма понемногу разрушается, прорастая на куполе и крыше соснами и березами.

Навсегда исчез и Казанский монастырь. Одно время на его месте находилась пекарня, затем завод “Реле”, сейчас же трудно сказать что же вообще там размещается. От культовых построек давно не осталось и следа.

И в этой связи так и хочется воскликнуть: как же не хватает нам сейчас бурмистра Хрущова! Как же не хватает нам сейчас таких людей, которые умели видеть на многие годы вперед, пламенно любили свой Климов и делали все для его возвеличения! И как же обмельчали сегодня мы — их потомки...

На изломе эпох

(Быт и хозяйственный уклад старообрядцев Стародубья в начале XX века)

Известный дореволюционный историк и этнограф И. С. Абрамов летом 1908 года совершил поездку в старообрядческие поселения Стародубья, итогом которой стал его доклад на заседании этнографического отдела Российского Географического общества. Некоторые сведения вековой давности о жизни и быте старообрядцев нашего края на изломе эпох представляют несомненный интерес и сегодня. Ведь годы между двумя русскими революциями стали последним временем, когда еще черты устоявшегося, патриархального бытия старообрядцев были явственны, когда старообрядцы находились на подъеме как экономическом, так и духовном. Следующие десятилетия стали временем крушения всех устоев жизни русских людей, в том числе и старообрядцев. И хотя в силу вековых традиций пассивного сопротивления они еще некоторое время пытались сохранить свою самобытность, свои обычаи и порядки, но оправиться, устоять в новых условиях им было уже не дано.

Прежде всего была полностью подорвана экономическая основа существования старообрядческих поселений. Дух свободного предпринимательства, служивший целые века стимулом для активных и неординарных людей, был напрочь вытеснен, все накопленное тяжким трудом многих поколений было в одночасье изъято, торговля, как главный стержень хозяйственной жизни посадов и городов свернута.

Воинствующий атеизм и невиданная доселе в истории государства Российского система подавления всяческого инакомыслия довершила дело. Старообрядчество, как особый субэтнос в составе русского народа, стало растворяться, угасать. Второго исхода в скиты и пустоши новая власть недопустила, хотя отдельные попытки таким образом сохранить себя и делались.

Надежда на возрождение, хоть и весьма призрачная, появилась у старообрядцев только в последние десятилетия. Однако быт, уклад жизни прежний, конечно же, вернуть никогда не удастся. Поэтому те, ушедшие навсегда, черты быта, повседневной жизни и деятельности староверов Стародубья, подмеченные 100 лет назад И. С. Абрамовым, пред-

ставляют такой интерес сегодня. Несколько выдержек из его доклада приведем в этой статье.

ПОЕЗДКА В СТАРОДУБЬЕ

В этнографической литературе за последнее время особенно часто стала высказываться мысль о необходимости внимательного порайонного изучения русского сектантства не с миссионерской, а с этнографической точки зрения. Имея в виду такое именно изучение, я позволю себе предложить вниманию читателей тот небольшой материал, который мне удалось собрать летом 1908 г. среди жителей северных уездов Черниговской губернии.

Промыслы слобожан.

По настоящее время почти возле каждого посада сохранилось предместье, называемое “бочанка”, заселенное украинским населением, в значительной степени обрусевшим. Жители бочанок занимаются почти исключительно земледелием; жители посадов земледелием почти не занимаются и снискивают себе пропитание различными промыслами, а именно: работой на суконных клинцовских фабриках, обработкой пеньки и щетины, мелкой разносной торговлей и т. п. Скажем подробнее об этих промыслах.

Трепальщики пеньки. Пеньку треплют “трепачи” в особых сараях; трепач стоит возле кадки, похожей на улей и, захватив пук пеньки, спускает его на внешний край кадки и треплет особой лопаткой, называемой “треплом”. В сарае обыкновенно стоит густая пыль, так что промысел этот вредно отражается на здоровье рабочих. Очищенную пеньку вяжут в пучки, прессуют и отправляют на место спроса. Пенько-трепальный промысел широко развит в стародубских слободах и дает хорошие барыши скупщикам необработанного сырца.

Щетинники. Щетинный промысел один из наиболее любимых промыслов жителей Стародубья.

Начиная с праздника Покрова (1-го октября) целые отряды “щетинников” рассыпаются по всем глухим закоулкам широкой Руси, хотя преимущественно идут в Малороссию. С длинной палкой или кнутом в руке, с подвернутой полой, с котомкой за плечами, с маленьким “безменком” в руке, щетинники оглашают тихие улицы села протяжным криком:

— Эй! щетины!

— Щетины не м-а-а!

Скупают они щетину, большею частью, маленькими пучечками, уплачивая за нее гроши, или каким-нибудь галантерейным мелким товаром, а иногда книжками и картинками.

Сами щетинники обязаны сдавать свой товар хозяину, давшему им денег, по 60 копеек фунт, не дороже.

Хозяин продает щетину-сырец местному скупщику, имеющему щетинно-сортировочное заведение. При этом различается два рода щетины: 1-й сорт хребтовая и 2-й сорт боковая.

Сырец покупается фабрикой от 25 руб. до 125 р. за пуд, а продается после сортировки: боковая от 25 до 110 руб., хребтовая от 70 до 800 р. за пуд.

Самый высокий сорт, называется “окатка” или extra. Больше ценится белая щетина с серебристым оттенком.

“Чесачи”, обыкновенно, работают в особом заведении, разделенном на небольшие отделения, где сидят по одному “чесачу”, быстро и ловко производящему руками сортировку, при помощи незатейливых инструментов: “драчки”, “зубков”, гребешка и лопатки. Обработанная щетина крепко вяжется в круглые (по несколько фунтов) пучки и отсылается на рынок. Главнейшими рынками щетины является Петербург и Лейпциг, особенно последний, так как замечено, что требование щетины в Петербурге с каждым годом сокращается. По словам одного из наиболее крупных промышленников, с которым мне приходилось беседовать, он продает щетины в течение года около 34 тысяч пудов, приблизительно на 200 тысяч рублей.

Коробейники-книгоноши. Каждую осень из стародубских посад расходуется по разным закоулкам Украины множество коробейников-книгонош. Они набирают в свои кораба много дешевых сытинских изданий—брошюр и картинок и выменивают на них, главным образом, щетину, не пренебрегая, впрочем, и другим подходящим товаром.

Так, например, в посаде Елионке мне встретился коробейник Парамон Суворов, который тысячами скупает в Курской и Орловской губерниях старые кокошники и подвергает их “выпалу” (пережиганию). Добытый сплав продает ювелирам по 15 коп. за золотник.

— Попадаются другой раз кокошники весьма старинные, — рассказывал Суворов, — у иных на макушке узоры затейливые... Мы все жжем, без разбора...

Свидетельство на право разносной торговли здешние коробейники добывают через местных миссионеров, которые само собою разуме-

ются, стараются навязать им соответствующий “товарец”. Однако, по отзывам коробейников, нынче у деревенского покупателя вкусы поизменились: “божественные” книги, которые еще недавно так бойко продавались, теперь требуются меньше, поднялся спрос на светские книги, книги про русско-японскую войну, про “слободы”, про смертные казни, о которых в последнее время так много идет разговоров по деревням. Многие спрашивают просто такие книги, которые “поновой”. По-прежнему хорошо идут сонники, оракулы, песенники. Сыщицкая литература еще, слава Богу, не завоевала себе места в коробе стародубских офеней. Картин более требуется с духовными сюжетами; светские картины чаще покупают “панки”, иногда учителя школ грамоты.

Из книг духовного содержания наиболее расходуется Евангелий, и молитвенников.

Требование крестьян на светские книги, о свободах, о Думе, о жизни заграничных государств, коробейниками почти не удовлетворяется.

— Опасаемся держать такое чтение, — рассказывают коробейники, — стражники да урядники больно уж надокучают, большое угощение за них требуют, не стоит овчинка выделки... Если бы мы держали такие книжки, каждый бы, конечно, купил. Многие очень даже убедительно просят привезти хороших книжек с ярмарки из Ромен, да дело это рискованное.

В глухих селениях Малороссии до последнего времени офени-книгоноши являлись единственными распространителями книги, без них книга не нашла бы себе дороги в убогую хату крестьянина. В украинской газете “Рада” мы встретили интересные воспоминания бывшего ученика народной школы, с любовью вспоминающего заходивших на село щетинников с книжками и мелким товаром.

Меня щетину на книжки, они способствовали распространению грамоты в селе. “Между книжками, — рассказывает автор, — попалась мне “Катерина” Шевченка. Я не могу теперь передать того настроения, того необыкновенного воодушевления, с которым я читал чудную поэму... С того времени начал я искать книги...” Пишущему эти строки также вспоминаются в прошлом те светлые, радостные минуты, когда в наше местечко приходили щетинники из Стародубья и приносили книжки. Правда, у них были по преимуществу лубочные издания, но изредка встречались поэмы Шевченка, рассказы Гоголя и различные сборники

стихов и песен. Таким образом, многим жителям южных губерний, начавшим свое образование в сельской школе, приходится с глубокой признательностью вспоминать стародубских щетинников-книгонош, заносивших в глухие углы печатное слово.

ЧЕРТЫ ИЗ БЫТА СТАРООБРЯДЦЕВ.

Хороводы. В быту стародубских старообрядцев прекрасно сохранились старинные общерусские обычаи. Любопытны их хороводы и свадьбы. С наступлением ясных весенних дней слободская молодежь начинает водить “карагоды”, окрестности оглашаются веселыми хороводными песнями. Песни здесь те же, что и в местечке Ветке (Могилевской г.).

Интересно, что в тех слободах, где население с весны уходит на заработки, хороводы переносятся на другое время, даже на зиму, так, например, в слободе Митьковке близ Климова, Новозыбковского уезда, население водит хороводы в течение всего рождественского мясоеда, чего не делается нигде в России. Летом же все митьковцы находятся в отлучке: уходят на баштаны.

Свадьбы. Девушки здесь выходят замуж очень рано, не редко 14-15 лет. Мужчины женятся гораздо позже, не прежде чем добьются некоторого материального благосостояния. Приданого за девушками давать непринято; заботятся лишь о том, чтобы у них был по возможности богаче и красивее наряд.

Перед свадьбой, в доме невесты устраиваются смотрины, так как, проводя молодость среди чужих людей на заработках, жених почти не знает слободских невест.

Сначала засылается сваха и спрашивает, можно ли посмотреть невесту? В случае согласия, устраивается вечеринка; жених и невеста садятся вместе, разговаривают, знакомятся. Далее идут заручины. Сначала молятся, “кладут начало”. Перед венцом жених и невеста непременно постятся; священнику перед совершением обряда венчания принимать пищу не возбраняется.

При венчании священник не всегда требует документы, удовлетворяясь показаниями свата и свахи. Расторжение брака явление довольно частое и производится священником без особых формальностей. Разведенные супруги могут беспрепятственно вступать в брак. Спорные случаи рассматриваются на епархиальных старообрядческих съездах.

**Старообрядческая семья.
Фотография
начала XX века.**

**Климовские старообрядцы-
солдаты Первой мировой.
Фото 1916 года.**

В числе постановлений последнего епархиального съезда Новозыбковской епархии встречаем, между прочим, такое: “§13. Брак Ефима Вас. Муливанкина с Варварою признан к расторжению”. В числе определений упомянутого съезда находим также следующее: (§6) “Совершение таинства брака другого прихода, в отсутствии приходского священника, к которому принадлежат брачующиеся, не должно совершаться другим священником без письменного удостоверения церковного старосты и поступать в таком деле согласно 51-й главы книги кормчей”.

При отказе старообрядческих священников совершить брак по каким либо причинам, брачующиеся прибегают к услугам единоверческих священников, за что епархиальные съезды налагают соответствующие взыскания. В цитированных нами “определениях” по этому поводу читаем: (§14) “... Н. Д. Кухаркин правилам св. отец не подчинился, а дозволил свою родную дочь повенчать в единоверческой церкви, за что ему епархиальным съездом воспрещено быть попечителем церквей, дабы другим не подать соблазна”.

РАЗДАЧА МИЛОСТЫНИ.

Большим значением у старообрядцев пользуется раздача милостыни, в особенности на помин души. У более зажиточных раздача денег производится в течение сорока дней после смерти члена семьи: у менее состоятельных в

определенные дни: в день похорон, в девятый, двадцатый и сороковой день при поминальных обедах. Раздачу производят и дома и в моленных.

В особо затруднительных житейских случаях, как например, при трудных родах, продолжительной болезни и т. п. прибегают к тайной раздаче: кладут деньги на колодезный сруб; их подбирает какой-нибудь бедняк, которому посчастливилось прийти первым. Зажиточные этих денег не берут. Взятый тайную милостыню тем самым принимает на себя нравственную обязанность попросить у Бога милостей положившему монету.

Положенную монету берут с большой осмотрительностью, так как старообрядцы согласны молиться не за всякого. Отметим характерный факт. В одной из слобод была открыта обще-земской организацией бесплатная столовая. Некоторые из старообрядцев отказались пользоваться столовой, так как не знали за кого придется молиться, если за хохла, то не согласны...

После смерти богачей, иногда раздаются значительные суммы. Так, например, по смерти одного Елионского промышленника было роздано несколько десятков тысяч рублей. Когда некоторые из местной интеллигенции советовали употребить эти деньги более производительно, наследники ответили, что для них прежде всего дорога воля завещателя, назначившего определенную сумму для раздачи.

**Книгоноша-меняла.
Фотография начала
XX века.**

**Купец и промышленник,
местный старообрядец
Самохвалов.**

ИЗ ОБЛАСТИ ВЕРОВАНИЙ

Большинство старообрядцев посадов принадлежит к приемлющим австрийское, или белокрыницкое священство.

По отзывам стариков, крепость старинных устоев за последнее время “упадает”, особенно среди молодежи. Впрочем, упадок этот для постороннего наблюдателя весьма мало заметен. Да и те, кто жалуется, указывают на малозначительные факты, вроде следующих:

— Раньше благочестия среди народа больше было... Бывало за десять шагов не доходя до моленной шапку сьмаешь и кладешь соседу на окошко, а теперь с шапкой в моленную являются. Показать в дипломате (пальто) и думать нельзя было, обязательно нужна сорокасборка; также калоши... Брюки на выпуск носить воспрещалось, нужно было прятать в голенища. Некоторые из молодежи покуривать стали, бороды другой раз сбривать. А иные только для стариков и боятся старину нарушать, чтобы не огорчать их, а как помрут старики, еще больше перемен пойдет.

Последний съезд новозыбковской епархии обратил внимание на повторяющиеся случаи брадобрития и вынес по этому поводу нижеследующее постановление:

“Бреющих брады по троекратном внушении местным священником, на основании славянской кормчии, и аще не оставит брить брады, отлучать таковых от святыни на основании синтагмы”.

Нередко самое незначительное обстоятельство в окружающей жизни вызывает к себе страстное внимание начетчиков и порождает долгие споры. Некоторые, например, отвергают те книги и рукописи, на которых имеется водяной знак, изображающий медведя с топориком (герб Ярославской губ.), говоря, что сбывается реченое в писании: “поневоле поклонятся зверю”... Люди молятся, дескать, по таким книгам и не замечая водяных знаков, “поневоле” кланяются “зверю”...

НОВАЯ СЕКТА ПАСХАЛЬНИКОВ

Среди старообрядцев описываемого района никогда не прекращались различного рода умственные течения, основывающаяся часто на предпочтении “буквы мертвящей духу животворящему”. Последнее течение такого рода выразилось в возникновении сравнительно новой секты “пасхальников”, впервые замеченной в посаде Воронке.

Пасхальники один из беспоповщинских толков.

Не могу не вспомнить здесь моей беседы с убежденным пасхальником, глубоким стариком, бывшим некогда старшим приказчиком у известного богача, удалым молодцем, разъезжавшим с красным товаром на 3-х тройках по лику русской земли. Под старость он всецело отдался религиозной жизни, отказался от своего состояния, собственноручно выкопал землянку и поселился в ней.

Как много детской веры было в его толкованиях новой пасхалии! Крепко верит он, между прочим, что присягать грех, подписывать официальные бумаги богопротивно. В разговоре со мной старик с большой горечью вспоминал, как однажды писарь принудил его в общественном управлении подписать какую-то бумагу.

— Я посмотрел, год, говорю, неправильный, значит; от сотворения мира до Рождества Христова вы неправильное число лет полагаете. А писарь отвечает: приказано так считать, не твоего ума дело. Нудил он нас, нудил... Товарищ мой и говорит: подпишем, не на нас грех, а на нем, зачем нудить... Подписались. Грех то ему, писцу будет, это правильно, а только и мы тоже маленько в ересь впали... неправы!..

О МИССИОНЕРАХ

Насаждением православия среди черниговских старообрядцев занимается, главным образом, “Братство св. Михаила Черниговского”, существующее уже 20-й год и ведущее свою деятельность через братские церковно-приходские школы, устроенные в старообрядческих центрах, через братские библиотеку-читальню и книжные склады и, главным образом, через миссионеров.

В г. Стародубе имеется отделение “Братства”, содержащее четыре единоверческие церковно-приходские школы: Воронковскую, Елионскую, Лужковскую и Новомлынскую, влияние которых, впрочем, на старообрядческое население трудно поддается учету.

Имеются также отделения вышеупомянутого “Братства” и в других крупных центрах Черниговского старообрядчества, в г. Новозыбкове и посаде Клинцах.

В церковно-приходских школах Новозыбковского отделения обучается 364 учащихся из единоверческих семейств.

ПОСЛЕ УКАЗА О ВЕРОТЕРПИМОСТИ

После указа 17 апреля 1905 г. религиозная жизнь старообрядцев, принужденная долгое время таиться в тени, стала мало-по-малу выходить наружу.

Радостно зазвучали долго безмолствовавшие колокола, созывая народ в моленные, показались крестные ходы и погребальные процессии. Особо торжественные похороны были устроены старообрядческому епископу Сильвестру, скончавшемуся в Полосе, близ Клинцов; в процессии принимали участие 4 епископа и многоязычная толпа народа.

Надо думать, что далеко не всем по сердцу пришлись эти проявления религиозной народной жизни; по крайней мере в “Отчете братства св. Михаила” за последний отчетный год находим не совсем спокойно выраженное по этому поводу замечание: “Эти шествия сопровождалась иногда полицией, казаками, а некоторые из чиновников даже подходили при этом к кресту, целовали руки лжеепископов и лжепопов и говорили речи...”²⁰⁹)

В то же время, стали учащаться случаи перехода единоверцев в старообрядчество (особенно в посадах Елионке и Митьковке).

В жизни старообрядцев Стародубья, приемлющих австрийское священство, вскоре после объявления указа о веротерпимости произошло важное событие, я говорю о примирении окружников с противокружниками, совершившееся 5-го июня 1906 г. в Москве на Рогожском кладбище, на условии предать полному забвению “Окружное послание”, подписанное старообрядческими епископами в Москве в 1862 г.

После этого епископ Михаил Новозыбковский объезжал стародубские слободы и устраивал торжественные крестные ходы из неокружнических молелен в окружнические, проповедуя мир и взаимную любовь.

Известно, что Московский старообрядческий епископ Иов остался при своем мнении и предал проклятию примирившихся. Последствия этого можно отчасти наблюдать в Стародубье: некоторые перестали “ходить в моленные, а иные даже перед смертью не приняли священника “умирали по беспоповски”.

Было еще одно последствие вышеупомянутого примирения: в Стародубье оказалось два епископа на одной кафедре окружник и противокружник, Михаил Новозыбковский и Гермоген Новозыбковский и

Киевский; впрочем, большинство примирившихся успокоилось на той мысли, что хотя это обстоятельство и противно канонам, но представляет явление временное, до смерти одного из епископов, и потому особого значения не имеет.

* * *

Как давно, кажется, все это было, как будто о другом мире идет речь. А прошло ведь всего каких-то 100 лет, сменилось лишь четыре поколения. И если хозяйственный уклад был резко изменен еще в начале XX века, то черты быта удерживались местными старообрядцами вплоть до 50-х годов, то есть на протяжении жизни двух поколений. С 50-х годов начали меняться, исчезать и они. Поэтому так дороги сейчас любые свидетельства современников. Ведь без серьезного и тщательного исследования, осмысления своих корней духовное возрождение невозможно. А оно сегодня крайне необходимо.

Заключительное слово

XVII век — это было время, когда еще весьма свежи в памяти народной были события трагических столетий татаро-монгольского ига. В монастырских хранилищах лежали свитки с великими произведениями своего времени, такими как “Слово о погибели земли Русской”, послания к пастве и всем людям русским Серапиона Владимирского, множество других до нас, к сожалению, не дошедших, но вполне доступных образованным и думающим людям того времени.

А задуматься было над чем. Серапион Владимирский, печалась о тяжких бедах, обрушившихся на землю русскую с приходом на нее татар, причину этих бед видел в нравственном оскудении русского народа. Божья благодать в избытке изливалась на землю русскую после принятия христианства, однако оценить этого не сумели, впали в грехи тяжкие. А это и ложь, клевета, грабежи, воровство, разбои, сквернословие, прелюбодейство, зависть, злоба, ненависть, жадность, немилосердные суды, несправедливое лихоимство, корысть, безжалостное ростовщичество, суеверие.

Необходимо покаяние, избавление от грехов, духовное возрождение — только так можно вернуть Божью милость и спасти Русь, считал Серапион — великий печальник и патриот, епископ Владимирский.

Как было не прислушаться к таким словам, как было не задуматься о будущем родной земли, о спасении собственных душ старообрядцам. И ведь предупреждение было: в тяжком смраде смутного времени вновь едва не погибла русская земля. И вот оно опять начинается, вновь смущают русских людей непонятным, ненужным, иноземным, вновь посягают и не на что-нибудь, а на самую веру православную.

Пойти на это, поддаться соблазну — значит потерять не только себя, а и существование всей земли русской под удар подставить. А русские люди, наученные горьким опытом татаро-монгольского рабства, веру свою православную и государство свое православное не разделяли. Как же было им не смутиться, не испугаться за судьбу своего Отечества, гнева Господня не утешиться.

Крайне важной также была и идея жертвенности, бытовавшая в русском народе, готовность пройти любые испытания, вынести любые тяготы во имя Божие, дабы в итоге заслужить спасение.

Все это стало стержнем старообрядчества, как хранителя и продолжателя светлых древнерусских традиций, хранителя Отечества своего. Так воспринимали они себя, так понимали свою историческую миссию.

Каждый из нас рано или поздно задает себе главный русский вопрос: зачем? Зачем мы живем, зачем пришли в этот мир? По-разному можно ответить на него. Если ради сиюминутной выгоды, ради того, чтобы в отведенные нам несколько десятков лет хорошо поесть, мягко поспать, то становится бессмысленным все — и деяния предков, и сама история российская, и собственная жизнь, наконец. А если нет смысла в жизни собственной, то нечего будет передать и потомкам. С оскудения душ, с бессмысленности бытия начинается гибель общества.

Сегодня мы вновь переживаем трудное, противоречивое время. Кто понапористей устремились на призрачный блеск “золотого тельца”, кто послабее, в безысходности своей ищут истину на дне бутылки, или замыкаются в отчаянной гордыне, пытаюсь встать от жизни обочь.

Сегодняшним сугубо практичным и скептическим умам духовный огонь наших предков представляется чем-то холодным и чужеродным. Этим умам представляется, что они-то, умы, лучше знают как нужно жить. Более того, они уверены, что самое правильное вообще не задумываться над вопросом о том, как и зачем жить, ибо вопросы эти слишком уж бередают душу, напрасно беспокоят совесть, утомляют сердце. А сердце, как советуют врачи, нужно беречь. Лучше уж радоваться новым штанам или очередному сорту колбасы. Так покойнее.

Увы, но все это самообман, самоопустошение.

Русские люди всегда были сильны общностью цели, высокой цели. Только она давала им силы, позволяла вершить великие дела. И в этом смысле пример старообрядцев, пример наших предков-климовчан может научить многому. Давайте только не отворачиваться от нашей воистину славной истории, давайте изучать ее, гордиться ею. И опыт предков наших, их высочайшая духовность, их жертвенность во имя избранной идеи, их умение находить выход в любых жизненных перипетиях поможет и нам избавиться от самообмана, вдохнет в наши души живую струю, укажет ту цель, ради которой стоит жить и за которую не придется расплачиваться детям и внукам.

Краткий словарь

малопонятных слов и терминов.

Байдак — речное судно, ходившее по Днепру и его пристаням, длиной 15-20 сажень, шириной 24 сажени, в осадке 69 четвертей, грузоподъемностью 10-15 тысяч пудов. Ходил под парусом, управлялся кормовым и носовым веслами, служащими в качестве рулей.

Баштан — огород в поле, степи, не при доме, на поднятой плугом целине (новине, непаши). Разводят арбузы, дыни, тыквы, огурцы, лук, чеснок, морковь и другие овощи, а также кукурузу, подсолнечник.

Берковец (берц) — мера веса в 10 пудов (160 килограммов). На берковцы при продаже измеряли сало, пеньку, лен, поташ.

Бурмистр или бургомистр — председатель городского совета в городах и больших торгово-промышленных поселениях. Поначалу эти должности были только в местах, населенных немецкими колонистами и управлявшихся по магдебургскому праву, позднее бурмистры появились в городах и местах с польским, литовским и русским населением. С присоединением Малороссии бурмистры появились и в Московском государстве.

Петр Великий, желая поднять торговлю и промышленность, ввел самоуправление и в великороссийских городах по образцу тех малороссийских городов, где действовало магдебургское право. Указом от 30 января 1699 года он учредил Бурмистерскую палату и бурмистров “для ведомства всяких расправных дел между гостями (заезжими торговыми людьми-купцами) и посадскими людьми и для управления казенными сборами и градскими повинностями”.

Бурмистры заведовали таможенными и кабацкими сборами, продавали клейменую бумагу, наблюдали за верностью мер и весов, заведовали постройкой и починкой тюрем и торговых бань и другими делами, т. е. вели городское хозяйство. Для отчетов по сборам бурмистры приезжали из городов в Москву.

По указу Екатерины II в 1775 году положено было быть в городах магистратам, а в посадах ратушам. В магистратах было по 2 бурмистра, выбиравшихся на три года, а в ратушах по два или одному, если жителей было менее 500 душ.

Должности бурмистров были упразднены в 1866 году в связи с введением нового городского устройства.

Войт — изначально городской голова, затем старший поселения, местами деревенский староста. В посадах и местечках, волостях войт совмещал в себе функции гражданского и полицейского управления.

Грунт — материк, земля, почва, в значении нашего контекста земля принадлежащая волости.

Десятина — земельная мера в России, первоначально равнялась площади посева двух четвертей зерна и потому была весьма разнообразна, затем была зафиксирована законом на уровне 2 400 кв. саженей, что в пересчете на современные меры площади составляет 1,0925 гектара.

Дробязк (дробязник или дробняк) — дробный, розничный товар, не оптовый.

Дьор (дор) — кровельная дрань, материал для кровли крыш, полученный путем расщепления на тонкие пластины определенных пород леса-кругляка.

Заштатный (город) — неположенный росписью, сверх положения. Штатные города получали субсидии от государства, чиновники содержались правительством, заштатные жили только на свои средства, на них же содержали и госчиновников.

Колониальные товары — товары, производимые в заморских странах, бывших в те времена колониями европейских государств. Это чай, кофе, какао, шоколад, различные приправы, пряности, экзотические фрукты, сладости и т. п.

Красный товар — аршинный, измеряемый аршинами, т. е. ткани.

Москательный товар — снадобья, красильные и разные химические припасы, употребляемые в ремеслах, фабричных и промышленных производствах (скипидар, всевозможные растворители, квасцы, дубильные вещества и т. п.).

Начетчик — церковный чтец, особо грамотный и начитанный человек в основном из прихожан, а также грамотей, промышленяющий обучением грамоте по деревням.

Новый Иерусалим — понятие восходит к библейской ветхозаветной символике. “Новый Иерусалим”, согласно Откровению Иоанна Богослова, — это святой город, “новый, сходящий от Бога с неба” символ чистоты и правды, “Ибо сила Божия осветила его” и “спасенные наро-

ды будут жить во свете его, и цари земные принесут в него славу и честь свою". (Откр. 21:2; 23-24).

Осадчий — от слова осаживать, поселять, давать оседлость, старший среди тех, кто оседает (поселяется) в данной местности.

Посад — местечко, торговое поселение, где жители мещане и управляются головой и ратушей.

Посадские люди — торговые люди, купцы.

Посадник — старшина города или посада, голова, выборный руководитель.

Ратуша — купеческая управа в городах и посадах.

Ратушный (город) — заштатный город.

Ратман — член ратуши или магистрата.

Рекрут — новобранец воинской службы, поступивший в солдаты, в рядовые по повинности или по найму.

Рекрутчина — рекрутская повинность или сам набор, пора, время набора.

Рескрипт — письмо государя на имя подданного, грамота.

Сажень — старинная русская мера длины, равная 213,36 сантиметра (3 аршинам: 1 аршин 71,12 сантиметра или 48 вершкам: 1 вершок 4,44 сантиметра). Определялась размахом рук человека от конца пальцев одной руки до конца пальцев другой руки. Косая сажень определялась размахом от конца пальцев ноги до конца пальцев рук и, вытянутой по диагонали.

Слобода — в старину так называлось село (поселение) свободных людей, а также пригородное селение, подгородный поселок за стеною города.

Слобода — большое поселение, где более одной церкви, торг или ярмарка или волостное правление. Слободой называют также промышленное, фабричное село, где крестьяне почти не пашут.

Универсал — грамота малороссийского Гетмана.

Уния (униаты) — православные, признавшие папство, под видом соединения западной и восточной церквей.

Четверть — мера площади земли на Руси, равнялась 0,5 десятины (0,54 гектара). Употреблялась также и как мера объема сыпучих веществ (зерно и проч.) и жидкостей. Но данные эти в разных местах и в разное время были очень различными.

Литература

1. Абрамов, И. С. Поездка в Стародубье. - С.-Петербург, 1910.
2. Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова и проф. П. Н. Милукова. - т. 4. - С.-Петербург, 1903.
3. Бурьшкин, П. А. Москва купеческая. - М., 1990.
4. Городские поселения в Российской империи. - Т. 5, ч. 1. - С.-Петербург, 1865.
5. Гумилев, Л. Н. — От Руси до России. - М., 2005.
6. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. - Чернигов, 1861.
7. Киевская старина. - 1889. сент. - с. 597.
8. Лилеев, М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье в XVII-XVIII вв. - Вып. I - Киев, 1895.
9. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. - С.-Петербург, 1865.
10. Описание Старой Малороссии. - т. 1. - Киев, 1888.
11. Опись Новгород-Северского наместничества (1779—1781). - Киев, 1931.
12. Памятная книжка Черниговской губернии. - Чернигов, 1862.
13. Поздеева, И. В. “Серебряный век” русского старообрядчества. 1905—1917: реферат статьи. - М., 1994.
14. Русский листок. - 1893. - № 100—115.
15. Феофилова, Л. В. Филарет (Гумилевский): архиепископ, ученый, историк. - Чернигов, 2005.
16. Филарет (Гумилевский). Историко-статистическое описание Черниговской епархии. - Чернигов, 1861.
17. Церковный вестник . 1892.- № 18.
18. Черниговские епархиальные известия. -1898.- № 1.
19. Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861-62 г. - ч. II. - С.-Петербург, 1863.

Содержание.

1. Вступительное слово	3
2. Старообрядцы	5
3. Климовский Покровский монастырь	72
4. На изломе эпох. (Быт и хозяйственный уклад старообрядцев Стародубья в начале XX века)	79
5. Заключительное слово	90
6. Краткий словарь малопонятных и устаревших терминов	92
7. Литература	95

Автор выражает благодарность и признательность Т. М. Полетаевой и В. Х. Куликовой — работникам Климовской районной и Брянской областной библиотек, а также всем кто помогал в подготовке и способствовал появлению этой книги.

В книге использованы фотографии и фоторепродукции М. А. Куликова, А. Ф. Караваева, из архива автора.

Николай Савельевич Смолянкин

Старообрядцы

Историко-краеведческий очерк

Технический редактор **Н. Е. Коряко**

Компьютерная верстка **Н. Е. Коряко**

Издательство «Наяда»

ISBN 5-900685-05-5

Сдано в набор 5.06.2006 г. Подписано в печать 12.07.2006 г.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60x84 1/16
Печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 5,58. Тираж 1000 экз. Заказ 1010.

Отпечатано в ГУП «Климовская типография»
243040, Брянская обл, пгт Климово, ул. Брянская, 45.
Тел.: (48347) 2-18-91.